

Михаил Липарк

Столкновение стихий

Насание Воды

Annotation

Неймерия на пороге войны. Владыки королевств севера, ведомые личными мотивами, созывают войска. Теперь странник из Дастгарда должен сделать сложный выбор – перестать бороться ради своих близких или идти до конца ради продолжения жизни на всем материке.

Михаил Липарк

Касание Воды. Том 2

– Налей пива, корчмарь... – Голос чужеземца был холоднее стужи, которую тот пустил внутрь помещения вместе с собой.

Корчмарь, ничего не ответив, скрылся в чулане за прилавком. Завьюженный с приходом гостя снег уже осел у порога и тут же оказался утоптан следующим посетителем до этого полностью пустовавшей корчмы.

– Ну, чего расходились, а? Коровник вам тут или чего? – ворчала старая подавальщица и с недовольным выражением лица прижимала дверь, чтобы как можно плотнее закрыть ее. Лишь вьюга на улице попыталась что-то ответить через небольшую щель протяжным завыванием, но тут же умолкла, когда прогалина усилиями старухи все-таки исчезла.

– Холодно как в аду, – заключил тот, что вошел следом за первым и оперся на прилавок. Содержимое его носа тут же оказалось на полу усилием грузного выдоха – палец оставил влажный след на деревянном почерневшем дереве.

– Как в аду? – спросил первый, уставившись во что-то перед собой, видимое только ему. – Я слышал, что там свирепствует пламя...

– Чепуха! Кто ж от жары-то больно изнемогает, а? Вот от холода... От холода и копыта откинуть можно, как пить дать! А тот, кто сказы эти про адское пламя выдумал, – пусть место себе одно там отморозит.

– Будь по-твоему. – Человек наконец повернулся и бросил взгляд из-под капюшона, показав два разных по цвету глаза – голубой и янтарный.

Неверующий расширил зенки, пошатнулся, а затем попятился к выходу, по пути спотыкаясь о расставленные в разных местах табуреты, по-видимому, мешавшие несколькими минутами ранее протирать полы. Дверь на улицу вновь распахнулась, запустив внутрь еще сотни снежинок, половина из которых растаяла еще прежде, чем долетела до пола. Подавальщица в который раз заворчала и принялась проделывать уже знакомое действие.

– Нет пива! – Корчмарь вышел из чулана и облокотился на прилавок. – Закончилось. Мёд есть. Надо?

Странник снял капюшон и вцепился взглядом в измученное морщинами лицо северянина.

– Неси. Я к огню сяду. Туда. – Он повернул голову в сторону стола, что стоял ближе остальных к очагу в центре зала.

Корчмарь пристально посмотрел в ответ, давая понять, что выпивку принесет, но путника здесь не жалуют и ему поскорее бы убраться восвояси. Гость едва заметно кивнул головой и двинулся к выбранному месту.

Еще на ходу странник снял успевший отсыреть плащ и, оказавшись возле стола, кинул его на самый край. Затем расстегнул ремень на груди, опустив ножны на кучу бесформенной сейчас мокрой ткани – из твердой кожи виднелась рукоять меча, что была в виде обнаженной девы, держащей над головой миниатюрное солнце.

Огонь трещал в очаге, подкидывая искры высоко вверх, а затем пытался дотянуться до каждого выброшенного ввысь чада, словно жалея о проделанном поступке. Игра, которую пламя, по обыкновению, затеяло само с собой, стала интересна и страннику. Он снял перчатки, и его ладони нависли над горящими поленьями, наполняя бегущую по венам кровь

теплом.

Снаружи продолжала гудеть метель, не оставляя ни единого шанса на спасение заблудшим в эту непогоду путникам. Старая подавальщица не уставала шоркать ногами по плохо промытому полу, бродя по помещению с какой-то понятной только ей целью, а корчмарь уже собственноручно нес выпивку гостю.

Вся голова северянина была гладко выбрита, а из затылка к земле, достигая самого его пояса, тянулся длинный заплетенный хвост – сухие рыжие волосы вперемешку с седыми торчали из косы в разные стороны. Борода корчмаря пушилась на подбородке, а размерами он превосходил странника и в росте, и в ширине плеч.

– Три сетима, – буркнул он, поставив кубок перед гостем, и нахмурил брови.

Странник поднял взгляд с огня, достал монеты и положил на край стола.

– Тут еще сверху за хлопоты, – сказал он и потянулся обратно к очагу, принявшись вглядываться во что-то скрывающееся меж языков пламени.

– Ты это... – северянин замялся, убирая деньги в карман грязного фартука. – Не торопись, в общем. Чужаков тут не особо жалуют, это правда. К тому же... В свете последних событий... Но, как говорят, в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выпонит, – наконец уверенно произнес он и удалился.

Содержимое кубка странника таяло медленно, но верно под натиском немых мыслей Сарвилла и его затупленного о пламя взгляда. Когда кубок опустел вовсе, владелец заведения вернулся к столу с кувшином и еще одним кубком в руках.

– Можно?.. – Он дождался, когда гость сделает соответствующий жест, прежде чем сесть напротив. – Я Бернард.

Бернард наполнил оба сосуда до краев и поднял перед собой свой.

– Skål! – Он ударил своим кубком о кубок странника и жадно впился в сосуд губами.

Гость ответил на традицию и пригубил меда.

– Говорила ему... Говорила я ему... А он что? Эх... – подавальщица все время причитала, добравшись до табуретов и расставляя их по своим привычным местам. – Вечно не слушает... Вечно у себя на уме... Эх...

– Как звать? – наконец заговорил корчмарь, не обращая внимания на старушку.

– Зови медведем. – Глаза гостя блеснули разными цветами.

Поленья в очаге не переставали трещать, изнемогая под жадной хваткой пламени.

– В такую стужу у нас здесь путников не бывает. – Бернард бросил многозначительный взгляд на меч, тонувший в изгибах скомканной ткани. – Далеко же занесло тебя, медведь...

Сначала никто не хотел продолжать разговор. Лишь старуха, расставляющая табуреты, разбивала ледяную тишину все еще живого и теплого помещения, тонущего посреди бескрайних верст мертвого снега.

– Стечение обстоятельств, – наконец произнес странник, подавая кубок хозяину в немой просьбе освежить его.

– Не говори, если не следует. – Мед полился из кувшина, с каждым мгновением побеждая пустоту, царившую внутри чаши. – Я и сам, когда попал сюда, не с большой радостью историю свою рассказывал. Местный конунг живьем бы за нее с меня шкуру спустил. А сейчас... Сейчас, спустя... Сколько же лет прошло? Двадцать? В любом случае побоку уже всем стало, кто я и чем раньше занимался.

Раздался грохот. Оба резко обернулись на него, завидев старуху, неаккуратно поднимающую табурет, видимо, выскользнувший из ее слабых рук.

– Бернард, говоришь... – Медведь с интересом взгляделся в его покрытое морщинами лицо.

– Верно. Это сейчас мое настоящее имя.

– Расскажи, Бернард, свою историю. Глядишь, мне она окажется впрок. Помоги убить время.

Корчмарь внимательно посмотрел на гостя, словно пытаясь уловить его искренний интерес к истории, который будто бы можно было узнать по каким-то особым признакам.

– Ты будешь вторым, после старой Григольды, кому я ее поведаю. – Он провел пятерней по густой бородке, втирая в нее остатки меда.

– Я сам не из этих краев, – начал он, не дождавшись реакции путника. – Холодно тут. Бездушно.

Странник кивнул и лишь теперь осознал, что, когда никто не говорил, здесь всюду царила тишина. Абсолютное безмолвие, огороженное бескрайними снегами и ледяным воздухом от остального мира. Лишь треск горящих поленьев пытался перебить ее, но все эти попытки были настолько жалкими, что никогда не спасали от одиночества местных жителей. Медведю захотелось встать и распахнуть дверь, чтобы внутрь ворвалось то бесчисленное множество звуков, которое обычно попадает в больших городах внутрь домов снаружи, но сегодня он понимал, что за порогом только свист метели и беспросветное покрывало спокойствия и тишины.

– Я родом из Южных Земель. Мой род один из самых древних. Настолько древний, что при стечении определённых обстоятельств, – корчмарь нарочито сделал акцент на теперь важную фразу в их беседе, – корона моего отца переходила ко мне по наследству, а значит, рано или поздно мне было суждено предстать перед своим народом в качестве правителя. Да вот только душа у меня с раннего детства не лежала ни к чему, что к правлению какое-либо отношение имеет – советы, войны, судьбоносные решения... Тьфу!

Из чулана вышел кот и привлек внимание хозяина. Плавно перебирая лапами, он прошел полпути к северянину, потом вдруг остановился, вытянулся и принялся вылизывать себе то, что принято вылизывать только и исключительно у самих котов.

– Я был мечтателем. Одним из тех, что позорят своих отцов и готовы предать собственное имя ради мальчишеских глупых грез... – Корчмарь осекся, словно подловив самого себя на лжи. – Хотя кого я обманываю, я и сейчас убежден в том, что в мире есть гораздо более важные вещи, за пределами совершенно обычных человеческих проблем. Воля Богов совсем не в том, чтобы делить плодородные земли между собой, в надежде урвать как можно больше, дабы набить собственное чрево. Я расскажу тебе. Возможно, именно это понимание когда-то открыло мне глаза и привело туда, где я сейчас счастлив.

Странник кивнул. В эту минуту он не знал, куда торопиться и стоит ли вообще куда-нибудь, а корчмарь показался ему до боли знакомой необычной личностью, чем-то напоминающей Лиану. «Чародейка также всегда отодвигала на задний план вещи, приобретшие обыденность и обросшие скукой», – подумал он.

– Ты только представь, сколько на свете прекрасного, медведь! Моря, горы, бескрайние поля, величественные замки... Ты видел, чем обрастает почва в зависимости от условий, в которых она существует?! Она бывает сухая и распадающаяся на частицы, твердая и усыпанная белоснежным покрывалом мать-земля! И все это... Все это каждую минуту купается в тысяче звуков – пении птиц, задувании ветра, журчании воды и других таких неопишуемых возможностях нашего с тобой мира. Все это наполнено прекрасными

ароматами, пусть и не всегда приятными нашим собственным ощущениям. И сколько может быть комбинаций этих красот, звуков и запахов? Ты думал? А я тебе скажу так. Разве можно умереть, так и не познав всех на свете комбинаций? Не почувствовав то, что будет единственно прекрасно для тебя одного и позволит уйти из этого мира с удовлетворением.

Странник слушал северянина и с разочарованием понимал, что за бытностью неотъемлемо важных дел давно перестал чувствовать то, о чем сейчас говорил корчмарь. А хуже всего, он не хотел этого даже сейчас, когда все осознал.

– Не надо, медведь. Не думай. Не это сейчас тебе нужно. Лучше выпей и не забивай голову, – предложил Бернارد и после короткой паузы продолжил: – Однажды свели меня Боги с капитаном одного морского судна – его звали капитан Граф, а корабль, на котором он плавал, носил такое имя, что мне тут же захотелось забыть обо всем на свете, взобраться на палубу и стать с этим судном одним целым. «Замок на волнах» носил он название. И вот сидим мы с капитаном в таверне, и он такие байки травит, что с каждой новой историей мне еще больше хочется предать все, что и не дорого мне вовсе, уплыв вместе с ним в новое приключение. Разгадывать тайны Вольных Городов, лицезреть завораживающие замки Дордонии, вглядываться в край земли, взобравшись на холмы Творса, продрогнуть до костей у Призрачных Гор, повстречать прекрасную эльфийку в Изумрудном лесу и плевать, что живым оттуда никто еще не возвращался! Клянусь Богами, перечислять можно до самой бесконечности. Тошно от одной мысли стало, что сейчас уплывет Граф в следующее приключение и вернется через время с новой историей, а я останусь сидеть в этой старой забытой никому не нужной книге со скучным и донельзя банальным сюжетом. Хотя вот он шанс! Иди и возьми, пока Гром не отнял его, как все остальное, что оказалось к нам недостаточно терпеливым.

– Уплыл, – заключил странник за корчмаря.

– Уплыл. Сам не помню, как набрался в стельку, а наутро проснулся, и все перед глазами раскачивается так, что не поймешь, то ли не проспался еще, то ли и в самом деле вокруг матросская каюта, а все шатается потому, что я на корабле и он уже режет волны на всех парусах. Ты пей, медведь, история долгая. Я сейчас еще принесу.

– И все, как всегда, оказалось не так, как задумывалось... – проговорил странник, когда корчмарь вернулся с полным кувшином.

Северянин поставил сосуд между ними.

– Поднимаюсь по лестнице и оказываюсь на палубе «Замка». Матросы всюду бегают, солнце в морду печет, морем несет, и со всех сторон тишь да гладь. И знаешь что? Как только мутить меня стало от качки бесконечной и на коленях я у края борта проторчал добрых полдня, так сразу и понял, что приключения меня и не особо влекут, оказывается, и что в просторных уютных комнатах во дворце да с девицами под боком было куда лучше, чем посреди открытого моря в компании моряков, которые и читать-то не умеют.

– Я так понимаю, что сойти с корабля возможности уже не представилось?

– Не представилось. Куда там! Желаний моих больше никто не спрашивал. Нашел я капитана Графа на борту, а квартирмейстер его бумагу сует, в которой подпись моя стоит, и отныне согласно этой грамоте я у капитана на службе. Ну, я, не будь дураком, лист этот выхватил и принялся в клочья рвать, а уже через пару мгновений эти обрывки за бортом плавали.

Медведь вновь прильнул к кружке, уже догадываясь о том, что поступок был не из удачных.

– Только вот будь я мудрее для тех своих немудрых лет, то сперва бы прочитал, о чем там говорится, а уже потом на всякие глупости сподоблялся...

Взгляд Бернарда упал на эфес меча незнакомца. Красивая фигура девы, держащей в руках солнце, заморозила старого корчмаря и повергла в задумчивость.

– Что же там было?

– А? – Корчмарь будто бы покинул свое тело и вернулся внезапно и резко, когда прозвучал вопрос. – Написано? Как я потом узнал, там говорилось о том, что корабль, на котором мы плыли, «свободный», а на борту «свободные», стало быть, люди – пираты то есть. Ну и меня после такой дерзости быстро за спесивый нрав в кандалы заковали и как можно глубже в трюм упрятали. Уж не сосчитать, сколько я потом там дней просидел, не понимая, почему сразу не убили и провизию на меня расходуют. Ведь о том, что я принц, никто не знал, а стало быть, намерения выкуп получить у них не было.

Тут надоедливая дверь корчмы вновь со скрипом отворилась, нарушив мирную беседу двух увлеченных разговором людей, и вырвала из полусна задремавшую за прилавком Григольду.

Внутри вошли четверо воинов. На их бедрах висели боевые топоры, широкие плечи накрывали шкуры разных оттенков, под подбородками вились пушистые ухоженные бороды, а башмаки, плотно подвязанные ремнями на икрах, несли на себе маленькие сугробы, не желающие быстро превращаться в воду и утекать сквозь щели в старом деревянном полу.

– Конунг нас за странником прислал, Бернард, – сказал один из них и уронил руку на плечо чужеземцу. – Глянь на меня, незнакомец. Не ты ли тот, кого мы ищем?

Странник перевел глаза со своего меча, лежащего на столе, на вошедших воинов.

– Какое дело у конунга ко мне? Озвучьте – и я решу, требует оно срочности или ждет, пока кончу начатые.

– Ох уж эти южане. Им пока трепку не задашь, какую следует, так и будут вести себя как на родине – раздувать загорелые щеки и иметь на все свое собственное мнение, – громила обратился к товарищам, скинул на пол перчатки и принялся разминать посиневшие от холода пальцы.

– А ну, вон! – Бернард встал с места и нахмурил брови. Его лицо приобрело оттенок жестокости, а наружу показались шрамы, которых, странник готов был поклясться, не было заметно прежде.

– Ты чего, брат? У нас приказ от конунга, а значит, нарушить мы его не можем, сам знаешь. – Один из воинов поднял руку и показал ладонь в знак спокойствия.

– А вы его и не нарушите. – Бернард покачнулся и сел обратно. – Скажите, что я сам приведу гостя к вечеру. Искрад меня знает, я слов на ветер не бросаю. А если не устроит его ответ, то он лично сюда может явиться в любое время. Встреча так или иначе состоится. Верно, медведь?

Странник разжал ладонь и убрал с рукояти своего меча, обхватив кружку.

– Я приду. Передайте, что явлюсь еще до заката. Даю слово.

Вороны за окном горланили, не позволяя тишине взять верх. Воины переглянулись. Тот, что был во главе, поднял перчатки и угрожающе прошипел:

– Мы вернемся после заката. Если в замке так и останется на одного обещанного гостя меньше... – Он сплюнул на пол и удалился, позвав за собой приятелей.

подавальщица закрыла дверь и смела рассыпанный снег в одну кучу.

– Сколько бы силы ни было в этом народе, я всегда убеждаюсь, что здравого смысла у

северян еще больше, – заговорил Бернард, когда в корчме стало привычно тихо. – Наверное, потому людям в Холденфелле выжить и удастся в самых суровых условиях, когда любой другой народ давно бы сгинул с этих мест или передох тут вовсе.

Странник кивнул в знак понимания и благодарности за то, что корчмарю удалось решить все мирным путем и теперь ему не придется бежать оттуда, куда он так долго добирался. Сарвилл понимал, что ни при каких обстоятельствах не отказался бы от своей цели, но только сейчас, с холодной головой, осознал, что потерял бы все, сложишь знакомство с северянами так, как в итоге не сложилось.

– Спасибо тебе, Бернард. – Медведь поднял кубок и сделал несколько больших глотков. – Продолжай свою историю. Как все-таки удалось тебе с корабля выбраться? Пираты отпустили?

– Как же! Дальше началось самое интересное. Эти пираты оказались не теми, какими ты их знаешь – они не нападали на другие суда в открытом море, чего я, между прочим, очень ждал, в надежде на их поражение и то, что меня освободят и отправят обратно в Южные Земли. Через несколько дней моего заключения у меня появились соседи, так сказать – еще с десятков бедолаг, не знающих, что их ждет и что они тут делают. Потом еще дюжина. И еще. И так, пока весь трюм не оказался забит... рабами.

– Слышал. Говорят, до сих пор эти пираты на Вечные Воды ужас наводят, хоть с рабством на севере и покончили.

– До сих пор кончают. Север всегда умирал за свободу, а юг – за процветание рабства. Вот мы и имеем – те, кто свободны здесь, уплывают прислуживать туда при малейшей неосторожности. Чужакам, что на Расколотых Островах оказались, два пути: либо домой, откуда бы они ни были, либо в Южные Земли – служить тамошним господам. Несмотря на то, что закон здесь любые дела пиратов запрещает... – корчмарь грузно выдохнул. – Но на то закон и есть, чтобы иметь беззаконие для осмысленности своего же существования...

– Бездна! – прошипел странник, словно разочаровавшись в какой-то надежде, после слов корчмаря ставшей еще более призрачной.

– Понял я, что тебя в поисках чего-то так далеко занесло, медведь, а теперь знаю, что не чего-то, а кого-то.

Путник промолчал.

– Не давай волю разочарованию. Два видимых пути всегда укрывают среди непроходимых дебрей еще несколько тернистых и ничего не исключających дорог.

Кот запрыгнул на стол и улегся на самом краю, ласкаясь о руку хозяина и мурча.

– А дальше я и совершил главную ошибку, которая закрыла мне путь на родину навсегда, – продолжил историю северянин. – Попросил аудиенции у капитана Графа. В чем мне, естественно, культурно отказали, и тогда я имел глупость признаться, что в моих жилах течет царская кровь. План заключался в том, чтобы меня вернули обратно за достойный выкуп – когда перспектива из обеспеченного будущего плавно переросла в перспективу рабства, то любые деньги мне стали уже не так важны, как свобода. Забавно, правда? Тогда буквально за несколько дней я поменял столько своих приоритетов, сколько не менял ни до, ни после этого.

Странник поморщился, он словно знал историю наперед и уже на собственном опыте испытал то, что произошло дальше.

– Как оказалось впоследствии, для капитана Графа репутация была премного выше золота, поэтому он лишь обрадовался достойному улову и повез нас дальше в Вольные

Города – место, где прямо в порту устраивают аукцион и распределяют рабов среди новых владельцев, отправляя вместе с ними восвояси...

– Выходит, ты видел Вольные Города своими глазами?

– Не обольщайся, медведь. Лишь порт. Но и от одного порта я был в таком восторге, что до сих пор готов отдать многое, чтобы вновь там оказаться. Но только не жизнь. Жизнь – слишком большая цена для всего, что недостойно ее. И ты тоже там побывал?

– Продолжай свою историю, пожалуйста... А то до моей еще доберемся.

До сих пор ошеломленный собственными воспоминаниями корчмарь ничего не ответил. Он ушел в чулан, какое-то время копошился там, а вскоре появился вновь, неся жареного поросенка на блюде, корочка которого обдавалась золотистым и отбрасывала клубы пара от своей горячей поверхности.

– Ешь, медведь.

Странник кивнул в знак благодарности и оторвал жирный кусок.

– Мой аукцион был самым шумным и долгим... – Бернард принялся рассказывать свою историю вновь после того, как они в задумчивом молчании съели треть поросенка. – После того как все рабы были распроданы – а сначала распродали именно всех остальных, чтобы собравшиеся в порту ситемы полностью не ушли в оплату за мою персону и сотни непроданных рабов не пришлось везти обратно. А знаешь, как бывает – если очень что-то нужно, то и лишнее золотишко всегда найдется. Поэтому, когда Граф представил меня всем собравшимся в порту торговцам, начался настоящий ажиотаж – все хотели занять в рабстве царевича. Одни желали получить за меня выкуп у царя в три раза больше, другие привезти обратно и получить место при дворе, третьи хотели качать из меня кровь, чтобы вывести из нее какие-нибудь чудесные зелья. Были и те, кто просто желал меня прирезать и обзавестись в обмен на мою смерть каким-нибудь наводящим ужас прозвищем вроде «убийцы королей» и тому подобных. Выиграли те, кто желал прирезать.

– Сейчас ты передо мной, выходит, что-то пошло не так... – словно не спрашивая, а пытаясь догадаться, произнес странник.

– Желание тех, кто хотел вернуть меня в родной дом и получить за это целую гору золота, никуда не делось, поэтому практически сразу после аукциона в порту началась бойня. Капитан Граф немедля забрал свои деньги вкупе с заслуженной репутацией, поднял паруса и уплыл за горизонт. А меня в конце концов отбили какие-то контрабандисты, затолкали в шлюпку и повезли на родину.

– А дальше?

– А дальше, как ты это называешь, произошло стечение обстоятельств. Не прошло и дня, как мы попали в сильнейший шторм, в котором добрая половина экипажа пошла ко дну. Рваные паруса никуда не годились, и тогда несколько недель нас штилем несло на Холденфелл, пока не прибило к берегам Тоддена. Бездна! В горле пересохло.

Корчмарь отвлекся на кубок с медом.

– И с тех пор я осел здесь, – продолжил он. – И никому не рассказывал о своем происхождении, которому оказалось безопаснее находиться в тайне от общества. Сколько лет прошло... И действительно, чем больше времени уходило в прошлое, тем меньше всем было дела до моего истинного происхождения... Гляди!

Бернард повернулся к старой подавальщице.

– Григольда, помнишь ты, что я царевичем был в Южных Землях?

Григольда посмотрела на хозяина усталым опустошённым взглядом и вновь опустила

подбородок на грудь в желании задремать и не слышать ничего больше.

– Видишь? Такая вот ирония. То, что имеет ошеломляющее значение для тебя сейчас, спустя время уже ничего не значит. Рано или поздно. Но ничего.

Корчмарь вдохнул глубоко, словно бы пытаясь вернуться в былые времена, и выдохнул, когда ничего не вышло.

– Ну а ты? Чего забыл в наших краях? Позволь и мне услышать твою историю. Слыхал я, мол, все странники на Неймерии перевелись, а последний при всех известных обстоятельствах жуткий переполох устроил и, лишенный ума, рубит всех и вся на своем пути... – Корчмарь прищурился. – А сейчас вот смотрю в твои глаза и понимаю, что лучше возможности назвать все эти слухи дерьмом собачьим и не случится. Или это тоже стечение обстоятельств?

– Повезло тебе, корчмарь.

– А?

– Повезло, говорю. Если бы обстоятельства определенным образом не стеклись, то слухи твои истинной правдой бы оказались. Если хочешь знать, стоял я на коленях перед королем Дордонии и думал, что все – конец всем предсказаниям и предназначениям, которые мне сулили разного рода чародеи, кому было не лень, и дриады. Конец чувствам, о которых грезил, хотя проблем и помимо них было достаточно. Конец всему, думал. Только вот так я еще никогда не ошибался...

Дастгард праздновал. Ежегодный День Петуха нынче обещал стать самым грандиозным событием на всем материке. Даже в полдень в столицу продолжали стекаться потоки странников, наслышанных о грядущем восьмидесят первом дне Солнцестояния позднее остальных и прибывающих лишь к середине праздника.

Тысячи людей, по древней традиции прячущие свои лица за масками, совсем позабыли о манерах. Безликие дордонийцы пировали, галдели, танцевали, выкрикивали непристойности, опрокидывали бочки с вином и аплодировали каждому событию, происходящему в этот день. Одним словом, горожане и гости столицы веселились так, как испокон веков было принято веселиться в день, когда не имеющий ничего крестьянин волей случая мог обзавестись благородным титулом, женой благородных кровей или мешком королевского золота.

Сегодня по Штормплац расхаживали только мужчины и женщины, без деления на расы. Любую расовую принадлежность невозможно было с точностью определить за личиной разноцветных аксессуаров – в Дордонии хватало карликов, которых и в обычные дни можно было легко принять за гномов, а эльфы, выглядящие на старинных гобеленах изящно и грациозно, уже давно, еще с искоренением магии, познали физическую силу, а некоторые из них стались и вовсе здоровее людей, превосходя тех и в росте, и в плечах, скрывая сегодня свои уши под капюшонами и шляпами.

В самом центре площади мужчины сражались на кулаках, добиваясь лишь одного – забрать вложенные в ставку на себя же ситемы, удвоенные имуществом проигравшего; перетягивали канаты, прежде разбегаясь по площади и вербуя в свою команду наиболее здоровых и сильных мужей Дастгарда с единственной целью – не проиграть собственное достоинство; на спор поднимали булыжники, определяющие победителя – того, кто сможет поднять самого тяжелого из них – валунов. Малыши, снующие под ногами, на лету схватывали пример силы и воли своих отцов и вступали в бои друг с другом на деревянных палках, подражая рыцарям с турнира, который в это самое время проходил в Небесном квартале.

Женщины вели себя иначе. Ни одна из них не стремилась доказать кому бы то ни было свое превосходство и тем более тратить на это силы – любая горожанка была уверена в том, что именно она и есть самая прекрасная во всем городе, а стремление доказать это лишь опровергало бы саму очевидность непоколебимого факта. Гости столицы довольно быстро усвоили неписаное правило местных и вместе с остальными дамами расплывались по площади, стараясь укрыться в тени – там, где можно было потратить время с пользой и интересом.

Так, возле лавки с изящно расписанной тууринской посудой толпилась часть прекрасного населения столицы, другая небольшая группа светских дам вслушивалась в мелодию трубадура, нарочито играющего разные романтические композиции для привлечения оных, и лишь некоторые женщины ожидали, по-видимому, своих мужчин, наслаждаясь проявлением их мужского начала в забавах, о которых люди должны были бы забыть с появлением первого колеса, но почему-то до сих пор помнящих и получающих от них неизгладимое удовольствие.

Были и иные – мужчины на каблуках с вышитыми гербами на туниках, женщины в шляпках и веерами в руках – одним словом, те, которых даже за безликой маской можно было легко причислить к тому или иному сословию. Избалованные, они не могли решить, чем заняться, и, лишённые всякого покоя, суматошно разбредались по Штурмплац, в надежде не упустить ничего интересного и остановиться именно у того развлечения, которое окажется по душе именно им.

Каждому горожанину и гостю столицы сегодня хотелось успеть получить все множество удовольствий, великодушно разрешенных Его Величеством королем Рогаром Вековечным в честь этого великого праздника. Только вот крысиные бега были не менее увлекательным зрелищем, чем представление труппы циркачей, прибывшей накануне и демонстрирующей разные чудеса, доселе невиданные в Дастгарде; а игра со стаканами, под одним из которых был спрятан камушек, не казалась слишком обыденной, чтобы ей предпочли рыцарский турнир, проходящий в Небесном квартале и с каждым часом оставляющий все меньше претендентов на победу, а соответственно, и руку вместе с сердцем баронессы из Тюруна. Штурмплац захлебывалась потоками тысяч людей в масках, не в силах уместить всех желающих стать частью основного праздника, и выплевывала навидавшихся зрелищ в соседние районы, освобождая место для тех, кто только спохватился и прибыл на площадь.

Ноэми оказалась одной из безликих, чья очередь была втиснуться в море бродящих по площади зевак.

После того как чародейку вынесло на берег, ей удалось раздобыть плащ и найти маску, благо таких было разбросано по городу невероятное количество. Сначала она не могла понять, в чем дело и почему все прохожие скрывают свои лица, но потом память пришла в себя и позволила сопоставить факты, известные о Дордонии и уходящем Солнцестоянии – теперь преследователям было практически невозможно выследить ее, такую похожую на тысячи других женщин в городе.

Ноэми решала, как поступить дальше, и, пока новый план не зрел в голове, оглядывалась по сторонам с целью найти что-то, что поможет ей определиться с действиями, которые будет правильно предпринять после побега из королевской темницы.

Она видела сотни бочек с вином, небрежно разливавших вокруг себя добрую треть содержимого, что сегодня принадлежало одновременно всем и никому; двух фехтовальщиков, скорее изображавших какой-то южный танец, а не сражающихся на самом деле; видела, как из одной клетки, накрытой темной накидкой, доносилось рычание, а хозяин того, что было внутри, утверждал, что за железными прутьями сидит самая что ни на есть настоящая Лунная Кошка, которая, по своему обыкновению, водится только в Сумеречной Пустоши, и он покажет ее только тогда, когда рядом с ним наберется достаточно людей, заплативших по одному ситему за столь невиданное зрелище; недалеко от эшафота, который ранее служил местом казни неверных, стоял мужчина, а на цепи, прикованная к нему, сидела абсолютно нагая женщина с татуировкой на лице и тех местах, которые люди со временем привыкли скрывать – охотник на дриад предлагал глянуть на лесную деву и орал, что рассмотрит даже возможность продать ее тому, кто ненавидит диких баб больше его самого; кучка гномов, толпящаяся у небольшой телеги, застланной разными реликвиями, предлагала за скромную плату глянуть на их находки, а за это один из гостей с крайнего севера великодушно обещал некоторые из представленных артефактов продать или даже отдать даром.

– Это он, – чародейка проговорила еле слышно, остановившись рядом с телегой гномов и внимательно вглядываясь в представленные предметы.

Перед Ноэми, разложенные невесть в каком порядке, сверкали разного рода амулеты, драгоценные камни, предметы доспехов, оружие и куски невиданных металлов. От одного из старинных предметов чародейке, обладающей магическими способностями, даже стало не по себе, что вынудило ее слегка отпрянуть. Но среди всего, что показалось ей таким удивительным по отдельности и несметным в общей массе хламом, она увидела меч, которым так неописуемо когда-то восторгался медведь и который она посчитала тогда таким же не стоящим своего внимания барахлом.

– Диэйлейрийская сталь... – прошептала волшебница и погрузилась в воспоминания.

Казалось, времени пересмотреть все варианты избежать тех событий, которые произошли, в тюрьме было предостаточно, но она в очередной раз окунулась в омут самобичевания и презрения к самой себе за то, что не предвидела столь очевидных последствий их не самых удачных решений. Теперь ее больше мучило нескончаемое количество вопросов. Добрался ли медведь до Туурина, познакомился ли с Вастерасом, развил ли свои магические способности, встретил ли кого-то, кто смог дать ему то, чего не могла дать она?.. Или его в конце концов поймали и заточили в Башне Стихий?

Она знала, что именно заточение странника в Башне Стихий и стало основной целью короля и придворной чародейки. Однажды в тюрьме вольный заикнулся об этом, совершенно поверив в то, что прикончит упрямую магичку, а планы Рогара схоронит вместе с ее не способным ничего вымолвить языком.

– Как ты наивна! – захрипел тогда вольный, явно утомившись от продолжительного допроса. – Лишь слегка пораскинув мозгами, можно догадаться, что Рогар поступит опрометчиво, казнив странника. Люция давным-давно донесла, что этот... разноглазый очень могущественный маг... в перспективе, конечно. А зная о навязчивой идее короля, которую он уже столько лет несет народу и пытается воплотить в жизнь в Башне Стихий, – рассчитывать на скоропостижную смерть... Как его там? Сарвилла? Нелогично. По крайней мере, сейчас, когда Магистр Стихий наконец вывел какую-то формулу, которая поможет воплотить задуманное в жизнь. Какие бы между королем и врагом государства номер один ни были разногласия, война с Творсом всегда была в приоритете. По Дордонии ходят маленькие горстки волшебников, а у тамошнего императора уже собрана великая армия магов, способных растоптать в пух и прах и Дордонию, и Туурин, и эльфийские леса с гномьими горами. Лишь Вольные Города останутся не тронуты. Из политических соображений, как ты сама догадываешься. Да и Холденфелл с его Расколотыми Островами сейчас никому не сдался, потому как не хер там ловить, кроме рыбы.

Вольный говорил еще долго, но Ноэми предпочла не выслушивать заново весь его рассказ в собственных воспоминаниях и, вернувшись в реальность, сосредоточила взгляд на рунах, нанесенных на лезвие знакомого клинка.

– Госпожа! – один из гномов резким возгласом заставил Ноэми слегка вздрогнуть. – Вижу, меч вам приглянулся. Если желаете подержать в руках и взглянуть как можно ближе на столь доселе невиданное произведение искусства, то прошу монеты сперва пожертвовать для ваших бедных слуг. Мы света белого не видим, знаете ли, добывая без передыха столь диковинные предметы, в то же время немало рискуя собственной шкурой.

Ноэми прошла по гномам осуждающим взглядом.

– Добывая этот меч, между прочим, – вмешался другой гном с короткой бородой, – мы чуть не потеряли вообще все, что у нас было.

– Я знаю, – перебила чародейка и приподняла маску, показывая гномам свое лицо.

– Камень мне в почки! – охнул Гровин Баггз, растерявшись от неожиданности. – Эта ж эта! Ну и досталось тебе, человеческая женщина! А ну, парни, доставайте из заначки все, что сожрать можно. Бабу накормить надо. Ты садись вон туда. Вакин!

– Чего еще?

– Поднимай задницу с места, успеешь еще насидеться, евнух! Как звать-то тебя? Освежи память. – Гровин Баггз запрокинул голову, обращаясь к чародейке.

Ноэми запуталась в собственных чувствах и желаниях. С одной стороны, ей очень хотелось перебить гнома и прочитать целую нотацию о манерах и словах, которые положено произносить, а которые стоит засунуть в то место, название которого Баггз так часто употреблял в своей речи, но, с другой стороны, гном с таким рвением пытался ей помочь и сделать все, чтобы ей стало лучше, что сама возможность нотации ставила чародейку в положение не лучше того, в котором сейчас находился безбородый в ее глазах.

– Мое имя Ноэми. И спасибо, но я не голодна, – в конце концов она решила просто отказаться от предложения в знак протеста повадкам, которые ей были неблизки, но не ущемляя самолюбия горного жителя.

– В таком случае... – принялся отвечать гном. – Я выражу общий интерес, если спрошу. Что с тобой стряслось, женщина? Ты выглядишь хуже матери Вакина в день его родов, в тот момент, когда она увидела физиономию этого болвана, который только-только из нее вылез.

Гномы привычно захохотали. Подтрунивание над Вакином было не в новинку, но Баггз всегда так умело и ясно интерпретировал недостатки товарища, что вновь и вновь эти шутки находили отклик у друзей гнома.

– Сейчас я не в настроении об этом говорить...

– Ладно! Мы лезем уже не в свое дело. Но в беде ни в коем случае не оставим. Вот только этот праздник закончится, так сразу посадим тебя на телегу и вывезем в сторону севера, а там сойдешь, где приспичит. Добро?

Ноэми, выждав паузу, в смятении еще пыталась понять, хочет она того или нет, и в конце концов кивнула.

– Вот и хорошо. А то я уже стал думать, что ты еще и умом от побоев тронулась, что над самым что ни на есть лучшим предложением раздумывать принялась. Торк!

– Чего тебе? – послышался недовольный голос из-за телеги, а следом за ним возник и его владелец. – Отлить спокойно не дашь!

– Гляди на этого оборванца! Пока ты там свои дела делал, этот все стоял пялился на наши трофеи! Пора уже плату запросить и не подпускать без золота никого ближе, чем на пять локтей.

У телеги стоял мальчишка, ростом не выше самого высокого гнома.

– Только я подошел, а ему уже плату гони! Кто вас сюда вообще пустил?! Наглых полуросликов! – зазвучал еще не сломавшийся детский голос из-под маски, а сам малец тут же юркнул в проходящую мимо толпу, скрывшись из виду.

– Вот дырявая задница! – выругался Торк. – Ради них шкурой собственной рискуешь, добываешь древности всякие, а они потом огрызаются, словно неблагодарные псы на хозяина, что им миску супа принес. Эх...

Воздух на Штормплац загудел, перебивая стенания гнома. Звук пронесся над головами бродящей по площади толпы и заставил замереть даже самых маленьких в ожидании грядущей неизвестности. Ноэми стала одной из тех, кто принялся оглядываться по сторонам в надежде обнаружить источник звука, и через несколько мгновений ей это удалось.

Со стороны Церемониального квартала шел отряд паладинов, расталкивающий зевак и прокладывающий себе путь к месту, что в зависимости от нужды служило эшафотом или центральной точкой – импровизированной сценой, на которой происходили все главные события города, будь то провозглашение нового приказа короля или современное театральное представление.

На эшафот друг за другом поднялись Рогар Вековечный, Люция – королевская чародейка, Хранитель Порядка и Сарвилл Кхолд. Несколько десятков паладинов обступили возвышенность, ограждая вновь прибывших от толпы и неожиданных сюрпризов, один из которых произошел не так давно на том же самом месте, когда странник сбежал напрямиком из петли.

Один из защитников поднес рог ко рту и в очередной раз загудел на всю округу, привлекая внимание каждого снующего по Штурмплац.

– Странник пойман! – воскликнул король, после того как толпа смиренно умолкла.

У Ноэми перехватило дыхание. Она видела Сарвилла с завязанными глазами, стоящего на коленях на том самом месте, где когда-то спасла его. Каптановые волосы медведя свисали сырыми патлами ниц – они вились от влажности и жадно тянулись к земле.

– Не это ли тот южанин, у которого мы меч уперли? – Гровин Баггз, взобравшись на телегу, чтобы лучше видеть, обратился к своим, но, когда повернул голову, оказалось, что смотрит прямо в глаза чародейке.

– Тс-с-с... – Ноэми полыхнула синевой своего взбудораженного взгляда.

– Он это! Ясное дело, Гровин! Столько лет живешь, а по бабьим эмоциям еще гадать не научился! – Потом Торк резко перешел на шепот: – Смотри лучше, чтоб она дров не наломала. Не спасти его уже. Собираемся!

– Порядок в Дордонии восстановлен, жители Дастварда и гости столицы! Завтра Совет Тринадцати вынесет приговор беглецу и явит лик закона пред всеми жителями королевства!

Толпа заревела и вновь притаилась, когда король поднял руку.

– Сегодня все вы скрыли свои лица согласно древним традициям. Но я открою вам лицо того, чье инкогнито больше не спасет его ни при каких обстоятельствах. – Он сорвал повязку с глаз странника.

Сарвилла тут же ослепило лучами разгулявшегося солнца, и он прикрыл лицо прикованными друг к другу кандалами ладонями, чтобы дать глазам время привыкнуть к свету. Однако Рогар нервно одернул руки пленника, чтобы ничто не мешало толпе разглядеть изменника своего государства.

Когда глаза медведя привыкли и перестали бесконтрольно щуриться, он с удивлением обнаружил, что зрение после действия капель Седрика вернулось и теперь он может видеть, как прежде. Разноцветные глаза странника побежали по площади, ровно как в тот день, когда он уже прощался с жизнью на этом самом месте.

В один момент что-то заставило его остановить свой взгляд на кучке гномов, которые, взгромоздившись на телегу, что-то очень оживленно пытались объяснить женщине, похожей сегодня на всех остальных женщин Дастварда, но все же отличающейся от них. Чем? Сарвилл и сам никак не мог понять. Однако пока король продолжал произносить свою пламенную речь, медведь догадался – или все же убедил себя в этом, – что та женщина и есть Ноэми – чародейка, ради которой он проделал весь этот долгий обратный путь в место, где его не ждало ничего, кроме смерти. Этого понимания оказалось достаточно, чтобы медведь облегченно выдохнул и едва заметно кивнул, совсем позабыв об осторожности.

Люция – королевская чародейка, что стояла позади всех, немедленно что-то зашептала Хранителю Порядка, а тот в свою очередь принялся оживленно переводить ее слова владыке Дордонии.

– Жители Дастгарда и гости нашего города... – Король вновь вышел к самому краю эшафота. – Сейчас среди вас находится еще одна предательница! – Тысячи масок принялись крутиться из стороны в сторону, словно головы змей, выискивающих добычу. – Та, что впервые помогла страннику сбежать от правосудия и своим поступком повлекла череду смертей, которых могло не произойти.

– Бездна! – Сарвилл выругался вслух, тут же сосредоточив свое внимание на прикованной возле эшафота дриаде, и принялся думать о несокрытых женских прелестях той, чтобы хоть как-то перебить мысли о Ноэми.

Люция поморщилась от избытка пошлостей в голове медведя, но ладонь ее способности нисколько не ослабевала – она все так же внимательно витала над мыслями странника в надежде безжалостно ухватиться за ту, которая поможет незамедлительно отыскать преступницу.

В это время владыка королевства продолжал:

– Я уже не раз доказывал вам, что искоренение магии в Дордонии – есть та единственная истина, которая имеет значение. Я бы не опустил до обвинений человека, ни в чем неповинного. И говорю вам, та чародейка, что скрывается среди вас, опасна. Опасна и несет за собой смерть...

Пока король продолжал извергать свою речь, Гровин Баггз уже распряг одну из лошадей, забрался обратно на телегу и принялся шептать на ухо Ноэми.

– Женщина, слушай меня и старайся запомнить каждое слово. Твое разоблачение – дело времени. Тебе надо уезжать. Завтра с первыми петухами и мы отбудем в сторону Призрачных Гор. Поедем по Змеиному Тракту. Нашу повозку ты ни с какой другой не перепутаешь – мы повесим три красных платка. По одному на коней и один на телегу...

– Да, у нас есть традиции, жители Дастгарда! – доносился с эшафота голос Рогара Вековечного. – Одна из этих традиций – прятать свое лицо...

– А теперь найди способ убраться отсюда. – Гном видел, как лоб чародейки покрывается холодным потом. – Ты уже ничем не сможешь южанину. Можешь вместе с ним сыграть в ящик... но тогда никто не отрежет язык королю, когда придет время.

– Я знаю, что страх не позволит мне просто приказом убедить вас снять с лиц эти маски... Именем своим и Хранителя Порядка Санли Орегха...

Гном положил руку на плечо чародейке.

– Вот и славно. Я знаю, что ты понимаешь, о чем я, женщина. Завтра у нас будет время поболтать и обсудить случившееся.

– ...именем усопшего Дориана Орегха, моего верного друга, и всех почивших в борьбе с мерзопакостной магией...

– Но сейчас иди! Лошадь, что слева, уже распряжена.

– ...я прошу вас добровольно. Вслед за моей короной...

– Она повезет тебя. А теперь до встречи, человеческая женщина!

– ...кинуть маски, открыв свои лица, и каждый получит по три ситема в обмен на свою маску. Тот из вас, кто не подойдет за золотом, окажется под пристальным вниманием Защитников Ордена, которые уже окружили Штормплац. Все люди и нелюди, вызвавшие подозрение, будут находиться под наблюдением до самого конца следующего Солнцестояния.

Некоторое время лица в масках переглядывались, бросая нерешительные взгляды то друг на друга, то в сторону эшафота, ожидая, казалось, какого-то более конкретного призыва. Горожане перешептывались, прикладывали руки к накладным аксессуарам, с осторожностью придерживали спутников, которые были готовы выйти и сбросить с себя инкогнито, но все еще тянули.

Рогар Вековечный снял корону с головы, и она разбилась о мощёный камень перед эшафотом, гремя на округу стуком золота и драгоценных камней, выпавших из отверстий в ней.

Следом из самой гущи нерешительной толпы, расталкивая зевак со своего пути и держа маску высоко над головой, вышел молодой мужчина. Он показательно бросил деревянную волчью морду рядом с разбившейся короной и протянул руку за наградой. Три золотых монеты выпали из руки короля и исчезли в кулаке смельчака.

Народ сдался. Маски начали падать одна за другой на то место, которое обозначил своим примером король. Монарх стоял на возвышенности и наблюдал, как каждый горожанин и гость столицы получает свои деньги уже из рук паладинов, стоящих на страже быстро образующегося пригорка из ставших никому не нужными предметов. Защитники взяли Штурмплац в кольцо, а за его пределы отпускали только тех, кто уже выполнил ненавязчивый королевский указ.

– Богохульство! – запричитали старики, не желая открывать свои лица, и заметались из стороны в сторону по площади.

Некоторые из них старались остановить тех, кто шел получить свое золото, но их нещадно отталкивали, не желая слушать.

– Грех! – вопили сбитые с ног несчастные.

– Да будет милостива к нам Касандра! Ибо не по своей воле мы издавна сложившуюся традицию нарушаем... – кто-то, чье лицо оставалось скрыто, стоя на коленях, молил Богиню.

– А гномам что полагается, Ваше Величество? – выкрикнул Гровин Баггз из толпы собратьев, оказавшийся на месте подле эшафота и преградивший возможность остальным в очереди обменять свое имущество. – За то, что с самого рождения свои рожи не скрывали, а сегодня и подавно.

Вода в фонтане, что разливал струи в огромную чашу вокруг себя посреди Штурмплац и на которую сейчас никто не обращал внимания, вдруг запенилась и забурлила.

– Ваше Величество! Я к вам обращаюсь! – не успокаивался гном. – Или этот ваш указ из того же ряда, когда еще Генор Уйлетан нашим предкам пообещал несметные богатства за то, что мы в горы уйдем, а как эти богатства в королевских закромах закончились, так сразу слова свои обратно взял? Глядишь, вашего золотишка до конца очереди не хватит! Правильно говорю.

Покрасневший от ярости король хотел было ответить дерзкому гному, но вода в фонтане забурлила сильнее, теперь поднимаясь еще выше и теперь уже привлекая внимание всей толпы, стоящей вокруг.

– Это Боги гnevаются! Говорю вам, люди добрые! – горланил один из стариков, тщательно противящийся обличению лиц и до сих пор хватавший всех прохожих за руки, лишь бы только те обратили на него внимание. – Остановитесь! Беду на свой дом накличете за золото, которое только в гробу и выдали.

Толпа в растерянности замерла. Вода в фонтане пенилась и бурлила.

– Не помните, почему люди лица свои принялись скрывать в единственный день в году? Отцы вам этого не разъяснили или умолчали за ненадобностью? – подхватил еще один старческий голос.

Целая группа протестующих воле короля начала собираться в самом центре Штурмплац и разрасталась с невероятной скоростью, напоминая стаю муравьев, взгромоздившуюся на один кусок лежащей на земле пищи.

Санли Орегх, увидев всю картину, не предвещающую ничего хорошего, вытащил меч из ножен и поднял перед собой.

– Все это проделки чародейки, добрые дордонийцы! Все это магия, от которой ваш король вас уберечь хочет! Не бойтесь!

Ноэми уже забралась на коня и смотрела в сторону голосащего Хранителя Порядка.

– Ну что, девочка. Как тебя зовут? Будешь Женовой, хорошо? Женева, иногда, когда для хитрости уже не остается места, наступает время грубой силы. И именно с ее помощью сейчас мы с тобой уберемся из этого проклятого города. Скажи что есть мочи, Жени. Но!

Вода из фонтана взвилась в воздух и полетела струей в стражников, окруживших площадь, сбивая тех с ног и освобождая путь лошади Ноэми и еще сотням не желающих показывать своих лиц горожанам. словно река, вышедшая из берегов, освобожденная толпа начала шуметь, раскачиваться, бурлить и вытекать через не способные сдержать ее мощь железные преграды.

– Только мы, подданные короля, способны творить Закон! – начал вещать Хранитель Порядка, пытаясь усмирить толпу, которая теперь, словно неистовая бестия в клетке, – трепыхалась, извивалась и билась о железные стены из доспехов паладинов.

– Поздно, хранитель, – нервно перебила Люция. – Чародейки больше нет на площади. Прошу вас не начинать длинных речей, пока пленник, оставшийся в наших руках, не сбежал по примеру скрывшейся волшебницы.

Хранитель Порядка посмотрел в ответ неприятным взглядом и проглотил злость, которую привык проглатывать уже давно во имя Закона. Затем он убрал меч в ножны, поднял правую руку на уровень груди и принялся бить себя по доспехам, издавая неприятный металлический шум на всю округу.

Сначала никто на площади и не думал обращать внимания на эту жалкую попытку привлечь к себе внимание, но через каких-то несколько ударов в такт паладину подобные звуки стали доноситься справа, слева, с дальнего конца площади. Так, вспыхивая друг за другом, словно огни факелов в ночи, уже через несколько минут сотни стальных перчаток бились о панцири рыцарей, разнося неприятный гул по Штурмплац, заставляя тем самым дастгардцев останавливаться в оцепенении и прекращать панику.

Орден Защитников славился своими воинами на всю Неймерию. Рыцари, бьющиеся до последнего вдоха во времена самых тяжелых битв, когда их армия была на грани уничтожения и истребления, поднимали свой боевой дух, начиная стучать по своим доспехам. Так они слышали, сколько еще на поле боя оставалось паладинов, способных сражаться. После этого нехитрого действия воины ордена начинали биться еще яростнее прежнего, и в конечном итоге защитниками было выиграно множество таких битв, в которых любой предрек бы им поражение. Все это действо, конечно, вводило в недоумение врагов, как сейчас ввело и одновременно успокоило всех присутствующих на Штурмплац.

Бунтующие старики пораскрывали рты, видневшиеся из-под их половинчатых масок. Люди и нелюди, некоторые из которых уже открыли свои лица, оцепенели, замерев на том

самом месте, на котором стояли, чтобы, чего недоброго, не вляпаться в какие-нибудь неприятности.

Холодный ветер подул с моря и закрался к каждому дордонийцу на безмолвной площади под рубашку, заставив мурашки страха побежать по всему телу. Те, кто присутствовал на казни странника раньше, помнили, сколько людей погибло в давке в тот самый день. Никто не хотел повторения истории.

– До завтрашнего полудня Сарвилл Кхолд будет жить, – произнес Рога Вековечный, когда страх взял верх над присутствующими на площади. – На заре Совет Тринадцати решит судьбу преступника. А все беззаконники за это время пусть уяснят один урок – зло рано или поздно, но неизбежно терпит поражение.

Санли Орегх схватил странника под локоть и поднял с колен.

Сарвилл еще раз оглядел площадь в надежде не обнаружить Ноэми. Чародейки не было видно, равно как и гномов, помогавших поднять бунт.

Утро на следующий день после всепоглощающего праздника было наполнено ароматами прокисшего вина, раздосадованными дордонийцами, не сумевшими поймать воплощающего желания петуха, одиноким рассветом утреннего солнца и стуком железных доспехов во дворе Последнего Гарнизона, по которому в это самое время шел Санли Орегх.

Все рыцари и обычные воины королевской армии, тренировавшиеся повсюду, били себя рукой в грудь при виде Хранителя Порядка, дожидались, пока тот пройдет мимо, и только потом возвращались к привычным делам – тренировочному бою или колющим и режущим ударам по манекенам, уже вдоволь натерпевшимся за это утро.

Хранитель был погружен в свои мысли и не замечал ничего и никого вокруг. Последняя ночь далась ему тяжело – он не мог сомкнуть глаз, постоянно размышляя над тем, как следует поступить сейчас, когда преступник оказался в руках у короны, а чародейка бежала из королевской тюрьмы. Закон четко прописывал действия, которые необходимо предпринять в таком случае, но какое-то тревожное чувство не давало ему покоя и призывало не следовать слепо привычным правилам. Он знал, что его ждет игра со смертью, но поступиться своими принципами было хуже ее самой – смерти.

Дом Войны встретил Хранителя Порядка раскрытыми дверями, мертвой тишиной и стуком собственных каблуков, разносящихся по всем углам и тревожащих древние реликвии, развешанные на стенах помещения. Санли Орегх прибыл заранее, но, несмотря на это, все члены совета уже ожидали его, заняв свои привычные места. Старейшины сидели вокруг стола в обоюдном молчании, и никто даже не поднял глаз, чтобы посмотреть на появившегося в дверях главного зала Дома Войны защитника.

– Молодой и самовольный хранитель. Сын своего отца, унаследовавший не все хорошие качества предка, мы вас ждали, – произнес Рогар Вековечный, не оборачивая головы на только что вошедшего паладина.

– Ваше Величество, – ответил рыцарь, ударив себя в грудь и преклонив колени.

Король внимательно изучал затылок Хранителя Порядка, не давая позволения подняться, и, только когда насытился какими-то своими фантазиями, разрешил рыцарю встать.

Под расписным потолком летали крохотные птицы, перебивающие щебетанием безмолвное сопение за столом Совета Тринадцати, а стража короля вышла за двери, хлопнув их за собой, как только Санли Орегх занял свое место.

– Мне стало известно, что вчера на Совете Тринадцати присутствовали все, кроме его тринадцатого члена – меня. – Хранитель Порядка горделиво выпрямил спину и окинул взглядом остальных присутствующих, из осторожности пропустив лишь монарха.

Все хранители переглянулись и виновато опустили головы.

– Если бы не ваша уверенность в том, что власть в Дордонии принадлежит Хранителю Порядка и вы вольны принимать важные решения и перечить королевским указам... – Рогар Вековечный вытянул лицо, а его взгляд стал суровым. – То недоразумения, которым вы апеллируете, пытаясь нас обвинить, не произошло бы ни при каких обстоятельствах.

Санли Орегх снял перчатки, положил перед собой и решительно произнес:

– Согласно статье двести восемьдесят четвертой действующего закона королевства

Дордония я признаю все принятые накануне решения недействительными до голосования всеми членами совета, согласно документу, который висит в этом зале с самого возникновения действующей системы власти. Прошу помнить, господа, что документ святой и пойти против него значит то же, что положить начало проклятию, которое, несомненно, обрушится на королевство в случае, если мы предадим свои клятвы.

Хранитель Порядка поднял руку, показывая остальным, что просит проголосовать за выдвинутое предложение. Неуверенные «за» понеслись один за другим, оставив воздержавшихся в милости короля и оградив их от сурового взгляда владыки.

– Я смотрю, – спокойно заговорил король, – вам, господин Орегх, стало недостаточно того, что вы остановили истребление Медвежьего квартала до того, как абсолютно все медведи отправились на тот свет. Теперь вы желаете ставить под сомнение каждый королевский приказ, забывая о том, что Совет Тринадцати был учрежден для содействия королю, а не против него.

– Я поклялся защищать честь и жизнь своего короля, и я никогда не предаю своей клятвы, даже если мне придется защищать Ваше Величество от самого себя. Я не нарушил ни одного закона за время своей службы и не перешагну эту черту в будущем. Прошу посвятить меня в детали вчерашних обсуждений.

Глаза короля наполнились яростью.

– Позже мы будем обсуждать то, что сейчас не важно, – процедил владыка, затем глубоко вдохнул, опустив веки, а когда открыл их вновь, то засиял ненастоящими добродушием и приветливостью. – Полно нам грызть глотки друг другу, когда истинный враг уже на пороге нашего дома.

Рогар поднялся с места, по обыкновению, держа бокал с вином в левой руке, подошел к открытому окну, сквозь которое виднелся весь Последний Гарнизон, и выплеснул содержимое кубка в траву снаружи. Затем, продолжая стоять спиной к советникам, произнес:

– Господа, признаюсь, я был неправ в тех случаях, когда принимал важные решения, не вынося их на обсуждение в совет. Если бы Боги в действительности существовали, то я непременно списал бы все неудачи на свое пренебрежение древними законами. Именно поэтому я не буду держать зла за то, что господин Орегх в самый разгар битвы в Медвежьем квартале заверил мою армию в том, что приказ исполнен. Возможно, я действительно погорячился и смерть оставшихся медведей будет нам полезнее на войне, чем вне ее.

– Возможно, обойтись вообще без смертей принесет еще больше пользы, – выпалил Хранитель Порядка, сжимая челюсть от злости. – Я требую совет вернуться к прежним вопросам, прежде чем обсуждать новые.

Кто-то постарался поскорее откашляться, чтобы прервать новую волну шторма, которую мог спровоцировать Санли Орегх. Господин Тиин стремительно вытер выступивший на лбу пот, а Хранитель Медвежьего квартала и вовсе выпустил из рук бокал, разлив его содержимое по столу.

Один из старейшин тут же постучал по разложенной карте Неймерии перед собой, сотрясая миниатюрные фигурки и привлекая к себе всеобщее внимание.

– Нам отрадно слышать, Ваше Величество, что Совет Тринадцати все-таки обрел для вас смысл и вы осознаете эффективность управления городом и страной с нашей помощью, – проскрипел Лоринг Светоносный, старейшина Церемониального квартала, и наградил советников подбадривающим взглядом.

– Поддерживаю! – поочередно откликнулись остальные члены совета, кроме Хранителя Порядка.

– В свою очередь, господин Орегх... – Старейшина Церемониального квартала пригладил ореол редких седых волос вокруг своей лысины. – Я сообщаю вам, что Вастерас, многоуважаемый член нашего совета и старейшина квартала Нелюдей, накануне был помещен в темницу за подозрение в сговоре со странником, известным нам под именем Сарвилл Кхолд. Дальнейшие разбирательства было решено приостановить до вашего возвращения. Вы сможете самолично допросить эльфа после завершения очередного совета и вынести приговор, как и полагается Хранителю Порядка. Во имя Великой Касандры, я прошу поверить моим словам и позволить совету перейти к тем вопросам, ради которых сегодня мы здесь собрались.

Санли Орегх еще раз окинул старейшин взглядом и только сейчас понял, что Хранителя Квартала Нелюдей нет в зале. Вокруг себя он видел только одиннадцать человек.

Снаружи раздалось протяжное гудение, призванное собрать обитателей Последнего Гарнизона перед Домом Войны, где в это самое время проходила военная подготовка. Командующий принялся доносить до воинов принципы и особенности тренировки. Воины отвечали лязгом тысяч мечей и топоров.

– Вот и славно. В таком случае начнем заседание, – перехватил инициативу Рогар, разглядевший замешательство на лице Хранителя Порядка. – Как вы можете видеть, господин Орегх, настали смутные времена, требующие от нас незамедлительных решений. К тому же ни один пункт в священном документе не запрещает принимать то или иное решение, если большинство голосов членов совета «за». Выходит, предыдущим днем мы ущемили разве что ваше самолюбие. Перейдем наконец к повестке дня. Медведь высосал из меня много крови, и я не желаю откладывать решение о его дальнейшей судьбе.

– На повестке дня, – выступил с речью господин Тиин, – решение судьбы странника, избрание нового главы квартала Нелюдей, решение судьбы господина, поймавшего вчера петуха и изъявившего желание стать бароном земель у Расколотого Хребта и... хм... вынесение приговора Хранителю Порядка, нарушившему королевский указ и преждевременно остановившему истребление медведей.

Хранитель Купеческого квартала откланялся, подытоживая список грядущих обсуждений.

– Мы не будем строго судить Санли Орегха, – отрезал король. – Мы уже потеряли двух хранителей за последнее время. К тому же я вижу, что некоторые его спесивые решения пошли на пользу королевству. Защитник – юноша. Предлагаю лишить его привилегий командования любыми отрядами. Пусть должность Хранителя Порядка вернется к истокам.

– Но Медвежий квартал уже стоял на коленях, когда я прибыл туда, – возразил Санли Орегх. – Я всего лишь посчитал лишним хладнокровно казнить невинных людей, молящих о пощаде, и воспользовался правом Порядка, данным мне по закону.

Но старейшины уже не слушали рыцаря.

– За!

– За!

– За!

Хранитель Порядка поднялся с места так резко, что стул позади него повалился и разнес грохот по древнему залу Дома Войны.

– Вы хотите, чтобы один из лучших воинов Неймерии стал обычным судьей? – в

недоумении произнес он.

– Сядь на место, сынок, – громыхнул голос Хранителя Легионов. – Не позорь своего отца.

– Должность судьи и члена Совета Тринадцати уже говорит о многом. Власть – это не одна лишь физическая сила. Это нечто большее, чем умение махать мечом и защищаться с помощью щита. Это умение сохранить достоинство и способность взобраться обратно на гору, с которой тебя скинули. – Хранитель Садов Знаний поднял упавший стул и, положив руку на плечо Санли Орегху, принудил того опуститься на место.

Медленно, но все же подчинившись давлению, паладин сел обратно на стул, опустил голову и сделал несколько глубоких вдохов. Кровь, прилившая к черепу, стала отходить и придавать лицу прежний цвет.

– Хранитель Порядка Санли Орегх, вы остаетесь на своем посту с ограниченными возможностями командования любыми боевыми отрядами и больше не являетесь лидером Ордена Защитников. Я передаю кураторство над Святой Инквизицией Хранителю Небесного квартала... – Король перешел на шепот, слышный только им двоим: – Помни мое милосердие, хранитель. Согласно твоим же законам, я мог лишить тебя головы, но я выбрал пощаду.

– В таком случае самое время вынести приговор Сарвиллу Кхолду, медведю и страннику из Дастгарда, – произнес старейшина Церемониального квартала.

Глаза короля заблестели, а лицо обдалось румянцем от долгожданной судьбоносной кары, которой он желал медведю всем сердцем.

– Тщательно обдумав дальнейшую судьбу Сарвилла Кхолда... – Рогар Вековечный облизнул губы. – У нас есть два возможных решения – казнить его или передать в Башню Стихий. Я все же придерживаюсь мнения, что предатель должен отправиться на Девичью Гору.

Старейшины переглянулись.

– На пороге война с Творсом, – первым заговорил Хранитель Купеческого квартала. – Действительно. Неразумно убивать надежду творсийского императора прежде, чем медведь побывает в руках Магистра Стихий. Сила, заточенная в страннике, поможет решить исход войны в нашу пользу. Этого владыка Творса Драго Уйлетан ожидает в последнюю очередь, и мы лишь выиграем оттого, что сила странника окажется на нашей стороне.

Снаружи тысяча голосов, слившаяся в один громыхающий бас, репетировала боевой клич, способный утратить и обескуражить будущего противника. Затем гром, созданный из ударов стали друг о друга, обрушился на членов Совета Тринадцати с улицы и заставил всех говорящих делать короткие паузы.

– Согласен, что, обеспечив должное сопровождение и заковав странника в клетку из трита, мы не только обезопасим страну, но и пожнем свою выгоду из его заточения... – Хранитель Ситемов – худощавый молодой человек, постучал своими счастливыми монетами по столу.

– Ваше Величество, согласно закону, магические способности следует официально подтвердить и задокументировать прежде, чем отправить кого-либо в Башню Стихий, – уверенно пояснил уже смирившийся с сокращением полномочий Санли Орегх. – Иначе в башню можно увезти любого не приглянувшегося горожанина и в этом случае всякий смысл существования и Башни Стихий, и Закона будет утерян.

Король уже было потянулся к своему опустевшему кубку, но, остановив собственную

руку на полпути, с грохотом уронил ее на стол совета.

– Хранитель! – он вновь сменил гнев на милость, играя яростью в своем голосе. – Разве вам недостаточно того, что последний странник из Дастгарда нарушил множество законов, пробравшись в королевский замок? А пламя, бушующее в его глазах? Вы не подоспели в Шаарвиль к тому моменту, когда огонь можно было с легкостью разглядеть в глубине его зрачков.

Рогар Вековечный не позволял никому вставить и слова в свою речь, которая теперь затмевала весь гул, доносящийся с улицы.

– Вы помните, что для ваших предков из ордена именно глаза были основным показателем присутствия магической силы? А ваше призвание заключается в первую очередь как раз в том, чтобы уберечь население от мерзопакостной магии, а уже во вторую – следовать слову Закона. Или я ошибаюсь?

– Обязанности моей должности потеряли всякие границы с тех пор, как мой отец, будучи паладином Ордена Защитников, стал Хранителем Порядка. Вами же вынесенным мне сегодня приговором теперь в первую очередь я судья и лишь потом защитник. Поэтому Закон есть Закон. Без суда мы не можем отправить человека в Башню Стихий. – Санли Орегх взглянул исподлобья, тем не менее преклоняя голову.

– Закон! Закон! Закон! Черт бы вас побрал! – король вспылел, вновь уподобляясь самому себе. – Что вы заладили?! Вам что, недостаточно смерти вашего отца или моей дочери, господин Орегх? Или смерти ваших братьев, павших у подножья Девичьей Горы? Вы никак не можете понять, что дастгардцы гибнут как мухи, а с появлением странника еще быстрее, хотя наш единственный враг – Творс со своей бесчисленной армией волшебников!

Король замолчал. Он наполнил освежающей водой свой кубок, подошел к окну и посмотрел на армию, уловив безмятежность и равновесие среди рядов своих подданных. В это самое время воины как раз тренировали выдержку и умение держать строй в остолбенении, ожидая приказа командующего разомкнуть щиты.

– Я допустил много ошибок, за которые вы можете считать меня недостойным правителем. Я не понимаю, почему никто из присутствующих до сих пор не перерезал мне глотку. Ведь если бы мы поменялись местами с любым из вас, то тот, кто оказался бы королем Дордони, уже давно подавился бы собственной кровью. Однако я понимаю, что наш истинный враг вовсе не Сарвилл Кхолд из Медвежьего квартала, а император Драго Уйлетан, собравший могучую армию и жаждущий вернуть власть над землями Неймерии.

Рогар Вековечный вновь прервался, размышляя над собственным раскаянием.

– Ну, хватит разглагольствовать, – заговорил снова он. – Вам нужны доказательства, что Сарвилл Кхолд маг, господин Орегх? Тогда используйте спутников медведя. Что за толстяка, что за девицу странник будет стоять горой, а при невозможности это сделать разволнуется так, что увидеть пламя в его глазах вам не составит большого труда. Я знаю, что вы сейчас скажете. В таком случае найдите законный метод воздействовать на пленников. Мы можем обсудить это здесь и сейчас.

– Но, Ваше Величество, ведь пленники и не пленники вовсе... – вдруг заговорил старейшина Небесного квартала, нервно теребя золотую морду дракона на своей груди.

– Вы сказать хотите, что нам не за что их судить?.. – Король пристально посмотрел прямо в глаза хранителю. – Они сообщники и, стало быть, соучастники всех преступлений, что мы готовы приписать медведю.

– Но они ваши подданные... – не унимался старейшина Небесного квартала.

– Я знаю это! И если мне придется жертвовать жизнью трех человек ради спасения тысяч, я не моргну и глазом!

Все вновь умолкли.

– Хранитель Порядка, что говорит Закон о ситуации, в которой оказались спутники странника?

Король и не думал казаться искренним в своем сопереживании старейшине Небесного квартала. Он бросил язвительный взгляд на Санли Орегха.

– Пункт четыреста сорок восьмой Единого Закона гласит, – впервые за время вступления в должность в голосе хранителя проскользнуло сочувствие, – согласно приказу короля, любой житель, имеющий сведения о беглеце, обязан передать полную информацию представителям короны, в противном случае такой гражданин считается соучастником всех преступлений, которые уже совершены или будут совершены самим разыскиваемым. Порядок наказания сообщника назначается на усмотрение иерарха государства, Его Величества правящего короля.

– Слышали, старейшина? Стало быть, наказания избежать невозможно. Ведь в Законе не сказано, что король может помиловать участников заговора, верно, господин Орегх?

– Да, Ваше Величество. Но...

– В таком случае и алхимика, и деревенскую девку я повелеваю казнить на рассвете, – не дав возразить Хранителю Порядка, прервал его король. – Их вина не требует подтверждения, господин Орегх. Но, согласно Единому Закону, мы не можем лишать жизни людей, какое бы преступление они ни совершили, если все члены совета не проголосуют за это. Однако прежде чем открыть голосование, скажите мне те, кто, возможно, против столь жестоких мер: вы действительно хотите, чтобы Дордония пала лишь потому, что вам стало жалко пары никчемных жизней? Как только корабли Драго Уйлетана подойдут к берегам королевства, а маги начнут извергать свой гнев на Дастгард, то жертв в одно мгновение станет больше в тысячи раз. Вы здесь для того, чтобы оберегать государство и мыслить здраво, а не чувствами. Вам ясно?

Все члены совета молчали, пока Рогар Вековечный давал им осознать всю серьезность своих намерений.

– Кто за смертельную казнь алхимика из Медвежьего квартала и Иллайи из Лисохвоста?

На улице до сих пор было тихо. Солдаты, стоявшие в стойке, напряженно держали строй, изнемогая под скатывающимися по телу горошинами собственного пота.

– Господа... – Хранитель Порядка поднялся со своего места. – Должен еще раз напомнить, прежде чем начнется голосование, что Закон говорит нам о смертной казни то, что только единым мнением мы можем пойти на этот шаг и после хотя бы одного воздержавшегося или проголосовавшего против мы будем вынуждены вернуться к решению вопроса о судьбе медведя и волшебницы.

– За! – первым проголосовал господин Тиин, дослушав речь паладина до конца, и равнодушно поправил головной убор на своем затылке.

– За! – произнес Хранитель Ситемов, сперва положив свою счастливую монету, одну из двух, перед собой и как будто узнав у нее, за что будет вернее проголосовать.

– Портовый квартал голосует за!

– Королевская армия всегда за короля! – командным голосом прогреготал Хранитель Легионов.

– Последний Гарнизон – за!

– Да будет милостива Касандра к этим заблудшим душам. Церемониальный квартал поддерживает короля! – приложил руку на собственную грудь Лоринг Светоносный.

– Ремесленники с вами, Ваше Величество!

– Орден Защитников поддерживает своего короля, – монах из Небесного квартала проговорил довольно неуверенно.

– Господин Дармин, господин Орегх, господин Кхорд? Остались вы втроем, – уверенный в своей победе, произнес владыка Дордонии.

– Мы рискуем расколоть и так держащийся из последних сил Совет Тринадцати, Ваше Величество, – наконец заговорил старейшина Садов Знаний, сцепив ладони перед собой и в задумчивости стуча «большими» пальцами друг о друга. – Сейчас мы все ввязываемся в авантюру, последствия которой далеко не очевидны и не предсказуемы. Нет ли иного выхода, Ваше Величество, чем предложенные кардинальные меры?

– Нет, – отрезал Рогар, не желая вовлекаться в беседу.

– В таком случае я вынужден поддержать смертельный исход для молодых людей. Как жаль...

Король вцепился своим холодным взглядом в Хранителя Порядка. Это означало, что следующим должен будет голосовать именно он.

С одной стороны, Санли Орегх понимал, что грехов на душу владыки выпало не меньше, чем на души обвиняемых, и казнить их было бы так же справедливо, как осудить короля. Но в то же время он не знал, почему второй при тех же законах должен остаться жить, а первые умереть. Две змеи – справедливость и закон, подобные той, что была на гербе дома Орегхов, пытались вцепиться друг другу в плотики, оказавшись по разные стороны баррикад и окончательно открывая глаза хранителю на то, что все его старания расчертить четкую границу между добром и злом не более чем жалкая попытка юношеского максимализма потешить свое самолюбие.

– Как мы слепы, – выдохнул паладин.

Все хранители во главе с королем посмотрели на Санли Орегха, преисполненные любопытства.

– Как был слеп я! То, что в Дордонии называют честью, не имеет ничего общего с настоящими законами морали. С преданностью, верностью и справедливостью. Здесь честь – это не более, чем слово, о котором спотыкаются люди, чьи души уже переполнила тьма. Я скорее умру, чем буду клясться тем, о чем не имеют ни малейшего представления окружающие меня люди. Хотели лишить меня власти? Я сам отдаю ее в ваши руки. Распоряжайтесь.

Санли Орегх расцепил на шее брошь в виде головы дракона, и золотой плащ скатился с его плеч на пол.

– Я снимаю с себя полномочия Хранителя Порядка. А за отсутствием судьи вам больше нет надобности лишать жизни людей, чтобы доказать причастность странника к магии. Прощайте.

После этих слов Санли Орегх сильным ударом распахнул перед собой двери зала и быстрыми удаляющимися шагами покинул Дом Войны.

– В таком случае надобность казни действительно отпадает, – облегченно произнес старейшина Медвежьего квартала, который еще не успел отдать свой голос. – Я голосую за то, чтобы отправить Сарвилла Кхолда в Башню Стихий.

Все хранители один за другим поддержали идею. Король, облокотившись на спинку

своего стула, довольно ухмылялся и загадочно рассматривал одну из фигурок, стоящую на развернутой карте Неймерии на столе перед ним.

– Ну что ж, господа. Решение принято. Мы казним виновников с первыми петухами. Хранитель Легионов, прошу вас привести в исполнение приговор собственноручно завтра на рассвете.

Мужчина с обычно грозным, но сейчас удивленным лицом уставился на монарха, затем его взгляд прошелся по остальным так же недоумевающим членам совета.

– Казнить... виновников? – неуверенно наконец переспросил он.

– Вы верно слышали, хранитель. Мы с вами договорились чтить закон, а более того, стали свидетелями потери одного из нас, того, что покинул совет как раз по причине несоблюдения этих самых законов. Согласно одному из пунктов, я надеюсь, вы простите мне неточность, вроде бы восемьсот двадцать второго... В котором говорится о том, что в голосовании принимают участие все члены Совета Тринадцати, кроме тех старейшин и короля, которые в момент голосования тяжело больны и не могут адекватно расценивать выдвигаемые предложения; кроме тех, кто отбыл в путешествие и у кого на данный момент нет доказательства его здоровья; кроме тех, кто по политическим причинам признан остальными членами совета врагом государства и так далее и так далее. И кроме тех, кто может быть лично заинтересован в решении поставленного на голосование вопроса. Таким образом, голос господина Дармина не является решающим в судьбе бедного алхимика, я подчеркну, из Медвежьего квартала, так как мы с вами знаем, насколько крепка община медведей и априори необъективна по отношению к сородичам. Также хочу сказать, что в этом случае голос Хранителя Садов Знаний был последним и решающим.

Сбитый с толку Хранитель Легионов своим ошарашенным выражением олицетворял каждого присутствующего в зале, кроме самого короля.

– Пусть это будет отсечение головы – так вернее. Ни один преступник не сможет провалиться сквозь землю, после чего портить мне жизнь и отвлекать от насущных дел. Оповестите Люцию. Хочу, чтобы чародейка присутствовала в момент, когда Сарвилл Кхолд будет видеть, как его друзья умирают.

– Но, Ваше Величество... – все время пытавшийся что-то донести Хранитель Небесного квартала вновь заговорил.

– Старейшина, вчера мы поклялись друг другу идти до конца, – хладнокровно ответил король.

– Хорошо, Ваше Величество... – Наконец поняв всю серьезность намерений, Хранитель Легионов кивнул владыке.

– Каждый присутствующий осознал и принял результат голосования?

Старейшины молчали, пока Лоринг Светоносный не взял инициативу в свои руки.

– Это справедливо, Ваше Величество. И я буду молиться за наши души Великой Касандре, истинно веруя в то, что этот приговор – ее провидение, а не результат столкновения кровожадной мести с коварством.

– За наши души молиться нет надобности, потому что мы лишь блюдем закон. А значит, нам по-прежнему необходимо официально задокументировать магические способности Сарвилла Кхолда, прежде чем мы отправим его в Башню Стихий. Это всем ясно?

– Да, Ваше Величество... – Щеки Хранителя Церемониального квартала легко дрожали, понимая истинные намерения короля, но его взгляд не сдался перед пристальным взглядом владыки.

Тогда Рогар Вековечный поднялся со стула и продолжил:

– В таком случае, прежде чем мы перейдем к решению остальных вопросов, хочу сообщить, что сегодня вечером состоится похороны моей дочери. Тело не будет помещено в усыпальницу по известным всем нам причинам. Я прошу подготовить погребальный костер на Утесе Смертников и созвать туда желающих попрощаться с принцессой. Там же мы казним предателей спустя ночь. С Антиной я все улажу сам. Также народ Дордонии должен узнать о смерти королевской наследницы. Разошлите гонцов в Югурд, Каан, Тюрун и Аард. Пусть герольды на каждом углу вещают о ее смерти. Чем меньше надежд будет у народа на наследника престола, тем бережнее он будет относиться к своему настоящему правителю.

– Да, Ваше Величество, – ответил Лоринг Светоносный, ответственный за погребальные ритуалы во всем высшем обществе Дастгарда.

– Гонцы будут отправлены в города, как только писарь перепишет содержимое протокола. – Старейшина Садов Знаний сделал еще несколько заметок на листе перед собой.

В один момент копившаяся все это время на улице тишина разбилась о разрешение командующего снаружи разомкнуть ряды, и воины тут же закричали, издавая неистовые вопли, ознаменовавшие победу воли над потребностью. Мечи забились о щиты, торжествуя и возвещая о завершении групповой тренировки.

– В таком случае осталось всего несколько моментов... – Старейшина Купеческого квартала явно куда-то торопился, поэтому немедленно подталкивал членов совета к решению других вопросов.

Вопреки ему, все остальные присутствующие желали как можно детальнее обсудить судьбу пойманного накануне петуха и разобраться с наследником Вастераса, старейшины квартала Нелюдей, чтобы Дастгард раз и навсегда покончил с междоусобицей и наконец пришли светлые времена процветания и мирного правления Его Величества короля Дордонии Рогара Вековечного.

Утес Смертников. Скале дали такое примитивное название, обозначая тем самым свое пренебрежительное отношение ко всем, кто уходит из жизни, взобравшись на эту высоту на самом краю Дастгарда, где суша испокон веков ведет борьбу с морем. Здесь сжигали трупы узников, не сумевших выдержать долгого заточения в сырых темницах, обезглавливали предателей во времена, когда смертная казнь в Дордонии была распространена и заурядна, а иных скидывали в море, предусмотрительно привязав к их ногам тяжелые грузы на случай, если кто-то из осужденных не разобьется о скалы и выживет.

Конечно, не всегда было так. Когда севером правили гномы, утес носил название более чем достопочтенное и загадочное – Обратный Путь. Легенда нелюдей гласила, что любой гном приходит в этот мир с неоценимой миссией и когда эта миссия окончена, то Земля забирает свое дитя обратно. Когда же настанет время вновь явиться на материк, то этот гном переродится в другом облики, не помнящий прошлого, но с важным заданием, доверенным только ему, и уйдет ровно тогда, когда мать-земля захочет его обратно. Лишь того сына, что найдет Священный Камень, будет ждать вечная память, а мать, подарившая ему свободу на несколько лет, отступится и подарит непрерывную вечную жизнь.

Но пришли люди. Люди оценили место похорон гномов, но не стали придавать ему

глубокий смысл и нарекли скалу Утесом Смертников – одним из мест, где в Дастгарде отныне и навсегда будут встречаться со своей смертью оступившиеся подданные короля, несмотря на царящие в стране законы и запреты.

– Остался ничтожный шаг до маленькой победы, которая превратится в великую славу.

Два оседланных наездниками коня топтались на поляне Утеса Смертников, горизонт которого уходил прямо в синюю бездну Солнечного Моря. Пар, который животные выдували из своих могучих ноздрей, рассеивался в воздухе и вновь обретал очертания через несколько мгновений после вдоха.

– Я до последнего не верил, что нам удастся повернуть все это, Люция. Этот паршивец изрядно потрепал мне нервы.

– Я правильно читаю ваши мысли? Хранителю Порядка недолго осталось петь свои баллады о Законе, – отвечала женщина, пепельные волосы которой торчали из-под капюшона и трепались в объятьях капризного утреннего ветра.

– Ты сказала еще лучше, чем это звучало в моей голове. – Король с серьезным лицом посмотрел в сторону города. – А потом настанет очередь Драго Уйлетана и мерзких волшебников, прислуживающих спесивому властителю.

– Осторожнее, – Люция ехидно улыбнулась. – Так не останется существ на севере, которые будут способны служить Вашему Величеству.

Король ответил хладнокровным взглядом в синеву моря перед собой и пригладил гриву коня, который нервно ржал и мотал головой, перенимая повадки переменчивых настроений своего наездника.

– Как чувствует себя королева? Я слышала, что вчера госпожа билась в истерике на похоронах принцессы. – Два зеленых зрачка блеснули из-под ресниц.

– С королевой все будет в порядке. Антина всегда была неуравновешенной эмоциональной женщиной. Я знал, что мой категорический протест помещения тела Лианы в семейный склеп вызовет целую бурю или даже извержение вулкана. Но женщина есть женщина – дай ей прослезиться и все встанет на свои места.

Морозящий дождь слился с ветром и в едином порыве трепал капюшоны ранних гостей, мокрая трава облизывала копыта мерин, а сами кони беспокойно топтались на месте, то и дело разворачивая своих наездников вокруг себя.

– Скоро у вас появится другой наследник, мой король. До этого времени следует беречь жену, если вы хотите, чтобы ребенок родился здоровым и способным продолжить ваше дело. Равновесие королевы играет не последнюю роль. При этом хочу вас предупредить, что помимо эмоций у Ее Величества сильная тяга к жертвенности и будет настоящей катастрофой, если она решит покончить с собой во благо своих ошибочных убеждений. Я не предполагаю. Все мои догадки основаны на ее мыслях и поступках. Не вешайте на ее плечи груза, которого она не вынесет.

Король не ответил. Он лишь кивнул головой в сторону тропинки, ведущей с утеса – по дороге уже поднимались узники.

Иллая и Седрик ступали по вымокшей почве, подгоняемые в спины топором палача. Громила с голым торсом и черным головным убором, скрывающим его лицо, широкими шагами ступал следом и смотрел тяжелым взглядом по сторонам. Руки пленников были связаны за спинами, лица покрыты синяками и ссадинами.

Следом за палачом, схватив странника за локоть, ступал Хранитель Легионов – его плащ, прицепленный к доспехам на плечах и обшитый мехом, метался за спиной из стороны

в сторону, невольно грозя вот-вот сорваться и улететь прямо в море.

– Пришло твое время наслаждаться зрелищем, медведь, – процедил король, когда хранитель подвел Сарвилла ближе и заставил опуститься на колени перед владыкой сильным ударом по затылку. – Смотри туда, не отрывая взгляда. Ведь это твой последний шанс увидеть своих друзей живыми.

Хранитель Легионов вынул из ножен кинжал и приставил его к горлу странника. Руки пленника были намертво схвачены друг с другом наручами из трита и бессильно лежились на колени.

– Ты думаешь, я зло? – спросил король, даже не повернув на странника головы, но все же обращаясь к нему. – То, что существует для того, чтобы сделать из тебя героя? Ты ошибаешься, медведь. Во всей нашей истории ты пустил столько крови, сколько мне не снилось в самых жутких кошмарах. Я хотел убить одного человека – тебя. Но тебе этого стало недостаточно, и ты запустил целую череду событий, отнявшую множество жизней, и в конце концов мы стоим здесь и вынуждены принести еще две жертвы. Посмотри в глаза своих друзей и скажи мне, по чьей вине они умрут сегодня? По моей или твоей? Мне ты можешь сказать что угодно, но не ври самому себе.

Палач уже стоял у самого обрыва и натачивал лезвие топора. Коренастый высокий мужчина пестрил набухшими венами на мускулах, а его исполинская тень от выглянувшего из-за туч светила ложилась на стоящих на коленях пленников. Солнце еще некоторое время играло бликами на лезвии орудия смерти, но через несколько мгновений скрылось, накрыв Утес Смертников и весь Даствард одной небесной тенью.

– Не так давно я понял, что все мольбы, которые в моей власти, не способны изменить будущего. Они лишь подвергают сомнению репутацию того, из чьих уст звучат. Я только хочу спросить: я в силах что-то предпринять, чтобы вы отпустили Седрика и Иллайю? Хоть что-то? – Сарвилл говорил спокойно и сжав зубы. Он смотрел перед собой на палача и ждущих своей смерти друзей.

– Не утруждайся, мальчик мой, – встряла Люция, спешившись с коня, и, подойдя со спины, положила страннику руку на плечо. – Мы можем творить огонь и читать мысли, но не в силах поворачивать время вспять. Как ты правильно заметил, все, что сейчас в твоих силах, в момент казни этих людей – это сохранить лицо. Король великодушно спасет твою жизнь во благо будущего государства. Но тебе придется с этим жить. Винить себя в смерти друзей – нелегкая ноша.

Все это время Хранитель Легионов внимательно наблюдал за происходящим. Ему было поручено рассмотреть пламя в глазах странника и официально задокументировать собственные показания, чтобы в будущем избежать разногласий с другими членами Совета Тринадцати, связанных с отправкой Сарвилла Кхолда в Башню Стихий. Хранитель Легионов только ждал сигнала от чародейки, чтобы взглянуть в глаза медведю и увидеть там то, что предрекало страннику путешествие к башне.

– Зачем ты мне все это говоришь, волшебница? Разве мои мысли не трогают тебя? Разве тебе недостаточно того, что ты натворила? Сперва натравила на меня короля, заставила ввязаться в войну, о которой я и знать не желал, своей навязчивой идеей послала на верную смерть десятки воинов, которых я был вынужден убивать, иначе они убили бы меня...

Зрачки Сарвилла становились все шире с каждым произнесенным словом. Где-то глубоко в бездне этих разных глаз что-то пыталось получить из искры огонь, раздуть пламя, которое вырвется наружу и вынесет страннику приговор, а вслед за ним повлечет гибель

алхимика и волшебницы.

– Чего ты молчишь, чародейка? Не делай вид, что не понимаешь, о чем я говорю! Ты убила принцессу! И это был неверный ход! Ход, после которого в шахматах противник неизбежно одерживает победу, несмотря на то, что по всем раскладам она должна была остаться за побеждавшим. Дорога невозврата. Я убью тебя. Слышишь? Я клянусь!

В этот момент пламя в глазах странника разбушевалось. В тусклом свете, пробивающемся из-за туч, два ярких огонька неистовствовали так бурно, что в полной темноте уставшие моряки приняли бы их за маяк на берегу Дастгарда и, несомненно, разбились бы о скалы.

Люция сделала жест рукой, Хранитель Легионов обошел медведя, схватил его за подбородок и узрел языки пламени, пляшущие в цвете разных глазах пленника.

– Достаточно, – произнес хранитель и двинулся в сторону палача.

– Что? – странник опешил.

– Весь этот спектакль был разыгран с одной целью, – произнес король. – Мы добились чего хотели. Теперь Хранитель Легионов казнит твоих друзей. Если вздумаешь двинуться, то и твоя голова упадет с плеч. Смотри на них и не отворачивайся.

В это время Сарвилл ощутил на шее холод острого лезвия. На этот раз это был королевский клинок – Рогар уже спешил с лошади и стоял чуть позади, готовый проткнуть узника, если тот сделает чуть более резкое движение, чем от него ожидают.

Здоровяк, тщательно натачивающий топор все утро, взял Седрика под руки и подвел к плахе. Затем отступил, и на его место, держа большой двуручный топор одной рукой, зашел Хранитель Легионов.

В один момент Сарвилл готов был вскочить на ноги, подбежать и что есть силы вцепиться в глотку хранителю. Он мог умереть на том самом месте, где сейчас должны будут погибнуть его друзья, но закончить эту войну. Но что будет дальше? Вслед за ним король убьет и алхимика, и волшебницу, забрав то единственное, что сейчас еще оставалось у странника – месть. Нет.

Меч вознесся к грозовым тучам утреннего неба Дастгарда и упал, остановившись об окровавленное дерево, оставив на нем очередную зарубку. Голова алхимика скатилась к обрыву, в другую сторону от Сарвилла.

– Нет! – возглас медведя улетел к морю и утонул в недрах бескрайних вод. Слезы катились из глаз Сарвилла и падали, впитываясь в пропитанную смертью землю утеса.

Палач небрежно сдернул тело алхимика с плахи, освободив место следующему смертнику – ноги и руки убитого еще продолжали дергаться в предсмертных конвульсиях.

Осужденная чародейка смотрела на странника лицом безразличным и потерявшим всякие надежды. Она что-то шептала себе под нос, что странник принял за молитву Великой Касандре. Затем ее опустили на колени и глаза девушки спрятались от него.

– Иллайя, прости меня. Слышишь! Прости меня! – странник кричал чародейке, уже не видевшей, но все еще слышавшей его голос.

Короткий взмах, падение, глухой и пронзительный звук. Стая птиц, притаившаяся в длинной траве неподалеку, взмыла вверх.

– Все кончено, медведь, – сухо вымолвил король и убрал свой меч в ножны. – Твои друзья погибли следом за твоей матерью и сестрой, которых ты так хотел спасти.

Сарвилл обессиленно упал на землю, словно это его тело, а не Иллайя, лишилось головы и без чувств свалилось с плахи. Прижавшись одной щекой к мокрой траве, он смотрел

в безжизненное лицо чародейки, моргая лишь тогда, когда силуэт головы девушки расплывался в наполнившихся слезами глазах странника.

Хранитель Легионов подошел к королю и встал на одно колено.

– Ваше Величество... – Рука старейшины ударилась о грудь.

– Вы исполняете приказы лучше, чем прежний Хранитель Порядка. Заберите пленника и сегодня же начните готовить его к путешествию в Башню Стихий – дело требует от нас безотлагательности. Вечером конвой должен тронуться из Дастгарда. Прошу вас лично сопроводить преступника в башню магов.

– Как скажете, Ваше Величество.

Король сделал соответствующий жест, после которого рыцарь встал на ноги и поднял с земли, казалось, также мертвое тело Сарвилла.

Перепахканное в грязи лицо медведя не выражало ничего. Абсолютное бездушие промозглого дастгардского сырого утра. Земля особенно тщательно прилипла к тем местам, по которым ранее текли слезы, а вместо бушующего пламени в зрачках странника сейчас можно было рассмотреть только две холодные безжизненные бездны – голубую и янтарную.

Хранитель Легионов взял пленника под руку и увел прочь с Утеса Смертников.

– Все, как вы и рассчитывали, Ваше Величество, – Люция заговорила первой после короткой паузы, все еще глядя на бездыханные тела чародейки и алхимика.

– Удел молодых и неопытных творить все в одиночку, а затем сетовать на несправедливость в жизни. Будь странник чуть умнее и проворнее, он бы ни за что не бросил своих спутников и не отправился в одиночку в Шаарвиль спасать... как там ее? Не важно. Что сделано, то сделано. Теперь настало время сосредоточиться на более важных вещах.

Король огляделся, а затем позвал к себе здоровяка – палача, того, что сперва так усердно натачивал топор, а затем выполнял обязанности простого могильщика, ворочая бездыханными телами убитых.

– Ваше Величество, – приклонился здоровяк, подойдя ближе к монарху и сняв с себя черный головной убор палача.

Король взобрался на коня и еще раз обернулся вокруг, придерживая спесивого мерина.

– Отличная работа, господин Инстад. Это золото вы по праву заслужили. – Он достал кожаный плотно набитый кошель и подкинул так, чтобы палач успел сориентироваться и подхватить золото. – Они ваши. Возьмите.

Здоровяк поймал мешочек, и в тот же момент ветер, что задувал на утесе, стал еще более холодным и пронизывающим до костей. Ветер понесся по кругу, оставляя за собой невидимый шлейф магии. Магии, которая расколдовывала все, что было доселе нереально и выдуманно.

Сперва из лысого черепа палача полезли седые волосы, а из подбородка показалась густая борода. Вздутые тугие мускулы принялись обвисать и, превратившись в дряхлую кожу, явили Утесу Смертников пожилого мужчину с глубокими морщинами, бороздящими его лицо, и ярко-синими глазами, покорно уставившимися на владыку Дордонии. Позади – подле плахи – тела алхимика и чародейки вместе с их отрубленными головами начали мерцать и через несколько мгновений изменились. Это были люди, но люди, доселе незнакомые ни страннику, ни самому королю. Их языки были отрезаны, а глаза выколоты.

– И еще одно, Ронар Инстад. Та работа, за которую вы получили вознаграждение, является государственной тайной, за разглашение которой непременно последует смерть. Я уверен, на примере странника вы уяснили, что, даже добившись своего, я найду способ

заставить предателя страдать еще сильнее.

– Я клянусь, Ваше Величество, унести эту тайну с собой в могилу. И пусть Бурлящая бездна проглотит меня с потрохами, если я не сдержу своего слова, – затараторил тонким голосом иллюзионист.

– Сделайте так, чтобы история о том, что произошло сегодня, действительно была похоронена вместе с вами. А теперь можете идти. Вы еще поспеете за своей труппой, если поторопитесь. Говорят, они отбыли накануне.

Иллюзионист еще раз поклонился и достаточно резво для своего возраста зашагал в сторону Солнечной аллеи.

– Какой будет следующий шаг, мой король? – пропела мелодичным голосом Люция, которая вела себя так тихо, что стала невидимой и своим появлением застала короля врасплох.

– А для следующего шага я припас кое-что исключительное... – задумчиво и загадочно ухмыляясь, прошипел Рогар.

Он развернул своего коня в направлении города и продолжил:

– Нужно быть готовыми к нападению Творса в любой момент. Надеюсь, Магистр Стихий добьется от медведя всего необходимого в самые кратчайшие сроки, иначе умрет слишком много дордонийцев.

Сказав это, владыка Дордонии пришпорил мерина и поскакал вниз, туда, где все это время его ожидали паладины из верной королевской стражи.

Змеиный Тракт уходил в горизонт пыльной утопанной дорогой. Тепло дордонийских лучей еще дотягивалось до телеги, раскачивающейся на попавших под колеса камнях и медленно катящейся на север. Гномы, сидящие в ней, распевали похабные песни и выбрасывали на обочину остатки еды – огрызки яблок, косточки от персиков, остатки спелой южной кукурузы и другие дары плодоносной Дордонии. На самом краю сидел Гровин Багтз и что-то дотошно объяснял сидящей рядом черноволосой чародейке.

– Послушай, женщина! Если этот, как его, странник, выбран Богами для какой-то важной миссии, как ты говоришь, то ничего с ним не случится! Ну сама подумай. Если чьей-то заднице предназначено получить божьим сапогом промеж самых булок, то это свершится. Так или иначе. А если не предназначено, то все твои предсказания про конец света – полная чепуха и гузно медведя! А значит, и бояться нечего.

Ноэми устало закатила глаза и выдохнула.

– Гровин. Я благодарна тебе за помощь, но, что делать дальше, я в силах решить сама. Если вам не по пути заезжать в Туурин, тогда оставьте меня на перекрестке, с которого я сверну к нему и доберусь до Старгорда своими силами.

– Вообще-то... – гном заикнулся.

Если бы чародейка не узнала его так хорошо за время их знакомства, то, возможно, приняла бы это за проявление застенчивости.

– Я хотел попросить об одолжении.

– Теперь ясно, в чем дело. Валяй, гном. Долг платежом красен. Я понимаю. – Ноэми поправила манжеты на рукавах.

Гровин Багтз соорудил такую удивленную гримасу, будто бы его натуру только что совершенно незаслуженно обвинили в алчности и предсказуемости. Волшебница почувствовала собственную резкость и тут же продолжила:

– Я действительно не против помочь. Просто, кажется, я провалила свою миссию, и, возможно, отвлекаясь на что-то менее важное, я упущу самое верное время помочь Сарвиллу. Если он, конечно, еще...

– Ах, это... – Напряжение с лица гнома спало, а глаза заблестели ярче начищенных кубков, лежащих в этой же телеге и принадлежащих какому-то древнему роду. – Мы не отнимем у тебя много времени. Разве что полдня. Ты располагаешь таким временем, чародейка?

Ноэми сдалась.

– Позволь сперва выслушать твое предложение, после чего, если это действительно не заберет много времени, я, возможно, полезу в авантюру, в которую ты наверняка сейчас постарайся меня завлечь.

– Вот и славно. Заткнитесь там, вы! Дайте с человеческой женщиной о делах поговорить, – бросил Гровин Багтз галдящим позади товарищам. – Слушай. Недалеко от Туурина находится озеро. Эльфы прозвали его Антакриэль, что в переводе значит «заколдованное». На берегу этого озера есть пещера, в которую эти остроухие заговорили вход водопадом – стена воды бьет так, что хер туда проберешься, а если и проберешься, то не выберешься.

– А почему вы решили, что самые умные и никто там до вас не побывал? – с явным

скептицизмом в голосе спросила Ноэми.

– А мы не решали. Может, и был кто. Да только мы о существовании этой пещеры впервые в Дастгарде слышали нынче, на Дне Петуха. Старик, что нам карту продал, сам там все облазить хотел, да только внутрь попасть так и не смог. Но чую я, что ценностей на озере хоть отбавляй. А может, и лучше что. Клянусь тебе, чародейка. А чуйка моя никогда еще не подводила. Верно, парни?

– Чего ты там лепечешь, борода единорога? – насмешливая фраза долетела с другого конца телеги.

– Может, за поводья сесть хочешь, вместо того чтобы языком трепать, а? – послышались подначивающие замечания других гномов.

– И теперь ты хочешь, чтобы я вход в эту пещеру открывала? – пропустив мимо ушей весь град замечаний гномов, уточнила волшебница.

– В точку, женщина. Сама судьба нас с тобой свела, чтобы мы то, что там внутри, узрели. Ровно на полдня от пути отклонимся, ты и не заметишь, как время пролетит. Ну?

Чародейка прищурила глаза и посмотрела в тающие вдалеке вершины гор, среди которых пряталась Башня Стихий.

– Полдня, говоришь? Едем.

Озеро Антакриэль. Колыбель спокойствия и умиротворения на пути на самый север Неймерии, расположенная в Средиземных Горах по другую сторону от Кладбища Длиннорогов. Изумительное место, будоражащее путников пением невиданных птиц, шумом текущих всюду водопадов, кристально чистой водой в озере и невероятно красивыми вечнозелеными растениями вокруг.

Тяжелый подъем в гору, занимающий добрых полдня, останавливал внушительное большинство путников от посещения столь дивного места и, конечно, поражал своим великолепием рискнувших подняться и насладиться горным воздухом странников.

Озеро носило эльфийское название, как, впрочем, и принадлежало оно эльфам, живущим дальше к северу в Изумрудном лесу. Самый древний народ из ныне живущих никогда не был против посещения людьми и гномами своего прекрасного достояния, потому как давно перестал приходить к озеру и заниматься тут ремеслом. Наверное, это и было одной из причин, почему люди до сих пор не отняли водоем, хотя с небывалой легкостью могли бы это сделать – эльфы не препятствовали посещению, а для бюрократических споров сейчас в мире было не самое время.

– Ты не сказал, что полдня – это подъем в гору. И ладно бы, мы весь путь преодолели на колесах – уже несколько часов забираемся пешком.

– Не время конючить, женщина. Я и сам думал, что весь путь пролетит незаметно за рассказами о похождениях Вакина. Но какие уж тут байки. У тебя хоть ноги длиннее, – задыхаясь протараторил гном.

– От моих длинных ног нет никакого толку, потому что я плетусь вслед за вами этой протоптанной горными козлами узкой тропинкой. О, Касандра! – внезапно Ноэми воскликнула от восхищения.

Перед глазами чародейки и гномов открывался великолепный вид на Антакриэль. Все,

что слышала Ноэми об этом месте доселе, оказалось бессовестным враньем, призванным, по-видимому, отбить желание взбираться так высоко.

Лысая гора была изгоем посреди остальных пестрящих разной растительностью вершин. Самые невиданные деревья по склонам прорастали к подножью, упираясь в абсолютно спокойную и неподвижную голубую гладь озера. С разных сторон били водопады – от маленьких, стекающих крохотными каплями, до самого большого, обрушающего целую прозрачную завесу в водоем. Высокие вершины гор прятали долину от солнца так, что чистая водная поверхность имела редкие моменты для того, чтобы заиграть солнечными лучами. А пение птиц... Птицы щебетали на своем так чисто и мелодично, что остаться здесь навсегда не только не считалось чем-то из ряда вон выходящим, но и пользовалось популярностью – паломники, отшельники, беженцы и другие ищущие пристанища люди, эльфы и гномы часто останавливались в горных лесах на время или даже навсегда.

– Ладно, гном. Думаю, вытащить меня сюда было не совсем плохой идеей. Куда дальше?

– Дальше на ту сторону. Не смотри на меня так, чародейка. Полдня еще не прошло.

Гномы вместе с волшебницей спустились в долину, обогнули озеро, перейдя по пути мелкую горную речушку, которую Ноэми ловко преодолела, перепрыгивая с одного камня на другой, но которую гномы покрыли всеми известными им ругательствами на своем языке, так что часть из них поняла даже волшебница, несмотря на то, что никогда прежде не слышала ничего подобного.

Вымокшие, уставшие, голодные и жаждущие привала гномы остановились у водопада средних, по сравнению с остальными здесь, размеров. Гровин Баггз посмотрел наверх – туда, откуда брала свое начало стена воды.

– Судя по всему, пещера здесь, – заключил гном и еще раз внимательно уставился на развернутый лист. – Должно быть, она где-то посередине скалы. Именно поэтому старик, продавший мне карту, и избавился от нее. Будет непросто вскарабкаться наверх. А если потом еще и силой водопада обратно в озеро собьет... А ну, парни. Кто полезет проверить? Торк! Раз Зубрина мы оставили вещи сторожить, а Вакин скорее родится обратно, чем на гору эту взберется, тут уж тебе не отделаться.

– Пряма-таки и не отделаться! – возмущился Торк. – Полезай сам, коли ты карту купил. Может, там вообще пещеры никакой нет, а я сейчас шкурой рисковать стану. А если упаду или еще чего?

– Чародейка, можешь ты нам показать, что там за течением? А то мы до сумерек не сговоримся. Клянусь бородой!

– Во все места уже бороду свою засунул, и все неймётся, – вставил свою лепту Вакин, усевшись на упавший ствол дерева и присосавшись к фляге.

– Я бы помогла, но, боюсь, сил после этого у меня может не хватить на то, чтобы обратный путь открыть, – ответила Ноэми.

– Слышал, Торк? – Гровин не стал настаивать. – Шанс один, или хочешь с пустыми руками отсюда уйти, а потом пусть кто посмелее разбогатеет?

– Ладно, ладно, – ответил Торк. – Иду уже. Дай только дух перевести.

Он вырвал флягу из рук приятеля, вцепился в горлышко пухлыми губами и не отлипал, пока стенки сосуда не пристали друг к другу изнутри. Затем сбросил со спины медвежью шкуру и подошел к скале.

– Чародейка! – крикнул Торк, обратив взор на Ноэми. – Много тебе времени понадобится, чтобы вход открыть? Я там болтаться долго не смогу. Ты же видишь, что мой

собственный зад меня перевесит как пить дать.

Ноэми поморщилась, а по ее лицу вновь проскользнуло неодобрение.

– Я сделаю все, что смогу. Полезай. Какой силой обладает течение, понять невозможно, пока не попробуешь. В крайнем случае я не имею ничего против того, чтобы местная стуженая вода охладила твой не знающий границ выражениям пыл.

– Эй, так не пойдет! Я плавать не умею, как и эти... друзья мои, в общем. Надо так, чтобы сразу получилось, ясно?

– Полезай давай, хрен упрямый. Сказали, все получится, значит, получится! – Гровин Баггз высунул руку из озера, прохладу которого принялся проверять, видимо, после слов чародейки.

Торк полез. Коренастый гном ростом в три локтя забирался по отвесной скале, еле дотягиваясь до уступов, за которые можно было зацепиться киркой или поставить ногу. Он пытался, скользил, цеплялся бородой за торчащие из скалы неровности, ругался, молил Священный Камень спасти его. Через некоторое время он дополз до самого центра скалы и с неистовой болью в голосе истошным криком потребовал открыть ему путь.

Стена воды падала с обрыва далеко вверху и едва не цепляла правую руку гнома, нависшего над пропастью в виде озера Антакриэль. Ноэми подошла на самый край берега и возвела руки к водопаду. Уже некоторое время ничего не происходило. Бурлящая водами горной реки струя, ниспадающая с обрыва, едва сдвинулась с места, освободив гному лишь несколько дюймов.

– Ничего не выходит, чародейка? – Взволнованный за своего товарища Гровин Баггз стоял рядом и смотрел на Ноэми щенячьими глазами.

В ответ волшебница лишь бросила мимолетный презрительный взгляд, не отвлекаясь на стенания гнома, и принялась произносить что-то на эльфийском.

– Diae'le! Mina grun'de hait! Iscupatun SIAVILLE! TIAT'RE SONA KRUSH'LAI! – казалось, не в силах выдержать тяжесть собственных рук, Ноэми перешла на крик, и вся долина загремела эхом эльфийского диалекта.

Получилось. Тяжелая, доселе неуступная стена воды, способная, казалось, раздавить любое живое существо, попавшееся на пути, поддалась невидимой силе и сдвинулась в сторону, открывая взору гномов... ничего. Перед рукой Торка, готовой чуть раньше схватиться за заветный уступ, обязанный привести его к несметным сокровищам, сейчас был просто мокрый, гладкий и покрытый мхом камень.

– Это что? – кричал разочарованный Торк. – Я клянусь, Гровин, как только мне удастся оказаться на земле, я засажу тебе свой башмак по самые...

Торк не успел договорить свою речь, как от скалы чуть ниже висящего гнома отвалился камень, затем еще один. И еще. Град из маленьких камушков и огромных валунов ниспадал в эльфийское озеро, создавая сильные волны, тут же разлетавшиеся по водной поверхности в разные стороны.

Воодушевленный Торк сразу принялся спускаться к открывшейся нише посреди горы, скрупулезно работая своей киркой.

Добравшись до пещеры, гном высунулся из нее, показал неприличный жест и скрылся.

– Торк! Ну что там?! – Гровин Баггз рвал глотку в надежде усмирить свое любопытство.

На безудержный ор гнома никто не отвечал. Тогда Баггз схватил веревку, перебросил ее через голову и полез вслед за товарищем.

– Торопись, гном! Я не смогу сдерживать водопад вечно... – Чародейка изнемогала под

неведомой тяжестью, а ее колени слегка подгибались.

Когда Гровин Баггз добрался до края пещеры, то тут же сбросил веревку, по которой в будущем легко сможет спуститься вниз, прежде обмотав ее вокруг корня дерева, проросшего глубоко внутрь скалы и теперь слегка преграждающего дальнейший путь.

– Ничего тут нет. – Откуда ни возьмись рядом с Баггзом возникла фигура Торка, держащего в руке кучу небольших камушков.

Он в сердцах бросил камни в озеро, зацепив несколькими из них стену воды, в невероятных стараниях удерживаемую Ноэми. Волшебница приняла странное ощущение за небывалый прилив сил и лишь спустя несколько мгновений догадалась, что это не ее магия стала сильнее, а сила водопада сократилась в такое количество раз, что сейчас она могла одним пальцем передвигать бьющую с обрыва воду.

– Так, – отдышавшись, произнесла она. – Оставайтесь на месте. Вакин!

– Чего тебе, женщина? – Гном, уставший, по-видимому, сильнее всех, закатил глаза.

– Слезай с бревна!

– Чего?

Чародейка подняла из озера волну, та подхватила упавший ствол дерева, на котором сидел упрямый Вакин, тут же свалившийся с него, прыгнула на полено, когда оно набирало высоту, и мигом оказалась на краю пещеры вместе с другими гномами. Дерево упало в озеро, подняв в воздух целый шквал брызг, а водопад вернулся на прежнее место, укрыв обнаруженное путниками место от и так тусклых лучей.

– Ты чего сюда взобралась? – Торк упер руки в бока. – Я для кого орал, что тут ничего нет? Спускаться сама будешь. Я тебе не помощник. Раз у себя на уме.

– Дай факел, гном. – Ноэми протянула руку Торку, и тот нехотя вручил ей единственный светоч. – Идите за мной. Ступайте осторожно, здесь может быть что угодно.

– Ничего там нет, лисья твоя мать. Только же ходил смотреть.

– Тс! – Ноэми устремила на него грозный взгляд, освещаемый огнем факела. – Молчи, если не хочешь, чтобы тебя завалила груда камней сверху. И моя магия тебя не спасет, потому что здесь я бессильна.

Гном вытаращил на чародейку свои большие круглые глаза.

– Трит, гном. То, что ты нашел здесь, это трит – единственный металл на свете, способный блокировать магию. Поэтому, если вы не будете вести себя осторожно, мы можем попасть в беду, ясно? Я рада. Теперь идем.

Пещера показалась Ноэми великолепным произведением искусства, созданным рукой природы. Слегка видимые красочные растения у самого входа дальше вглубь начинали переливаться красными, синими, желтыми, зелеными и другими цветами. Ноэми готова бы была биться об заклад, что все они магические, если бы не знала точно, что никакой магии тут быть не может. Журчание воды осталось далеко позади, а перед двумя гномами и чародейкой открывался вид на абсолютно обычную стену, несущую за собой залежи трита и рассыпавшую возле себя частицы этого же металла, облаченного в камень.

– Говорил же, что нет тут ничего. – Торк развел руками. – Вот тебе и разбогатеет кто-нибудь вместо меня, Гровин. Видимо, в то время, пока я здесь лажу.

– Молчите, – Ноэми остановила не успевшую начаться дискуссию. – Водопад был и вправду магический. Только вот я уверена, что мы открыли лишь одну из дверей, а эта следующая...

– Слышал, Торк? Можешь катиться на все четыре стороны, я тебя не держу. – Безбородый

гном важно уставился на приятеля. Торк в ответ лишь отвел взгляд и принялся рассматривать заколдованную стену, словно вообще не разговаривал с тех самых пор, как они с утра совместно принимали завтрак.

– А как ее открыть, это следующая загадка, – прошептала себе под нос чародейка и прикоснулась к холодной стене.

Ноэми уже несколько часов изучала пещеру, бродя по ней взад и вперед. Снаружи уже давно смеркалось, когда утомленные гномы развалились на земле, создавая дополнительные помехи ее похождениям. Казалось, храп, создаваемый Гровином Багтзом и Торком, сотрясает всю гору, а более того, мешает заснуть всей обитающей вокруг живности, кроме, конечно, Вакина, оставшегося внизу и уподобляющегося неприятным громким звуком своим приятелям.

– Зачем кому-то понадобилось прятать трит в таком месте, да еще и замуровывать его под семью замками? – шептала себе под нос чародейка. – Правильно бы уехать отсюда и забыть про то, что я видела, но... Бездна! Вдруг там то, что поможет чародеям наконец вернуть уважение, которым они пользовались веками. Кто-то явно хотел обезвредить магические способности заточенного внутри...

Несколько часов при свете факела Ноэми разглядывала каждую щель в пещере, но никак не могла решить, что делать дальше. Ее ноги подкашивались под напором усталости, животы гномов урчали от голода, а чувство, что она сейчас нужна в другом месте, никак не отпускало мысли волшебницы. Но отступить от начатого было не в духе чародейки, поэтому она снова и снова подходила к стене и тщательно, дюйм за дюймом, изучала уже родной камень.

– Еще не все? – Торк зевнул во весь рот, донося сонливый стон до Ноэми, которая сейчас изучала что-то у самого выхода из пещеры.

Ответа не последовало, и гном решил не узнавать, расслышала ли она его. С надеждой вздремнуть еще некоторое время он перевернулся и заснул.

Когда, пристально вглядываясь в надоевшую стену, Ноэми вступала на новый круг познания какой-то великой тайны, то не заметила ногу перевернувшегося для собственного удобства гнома и, запнувшись об нее, полетела на землю. Рука не удержала факел, и он врезался прямо в каменную стену, образовав облако из искр, и упал на землю, поджигая траву, прорастающую здесь сквозь камни неизвестно сколько времени. Огонь за мгновения распространился на всю магическую стену, которая тут же вспыхнула и в одночасье исчезла, открыв незванным гостям путь дальше.

Гномы проснулись от неожиданного сотрясения, которое разразило пещеру грохотом, словно в гору ударила молния невиданной силы и заставила камень содрогаться.

– Что? Где? – Торк заерзал, протирая глаза и прибирая распушившуюся бороду к животу.

– Путь открыт, – загадочно произнесла Ноэми, поднимаясь на ноги и отряхивая пыль с колен.

Чародейка подняла факел, решивший столь сложную загадку, и, освещая себе путь, короткими шагами заступала внутрь.

– Стой! Нас подожди! Гровин! Просыпайся скорей. Чародейка вход открыла. – Гном схватил приятеля за воротник и помог тому подняться на ноги, чтобы они вместе поторопились вслед за тающим в темноте огнем.

Свет от факела разъедал безусловную тьму перед чародейкой и накладывал ее тень на осторожно ступающих позади гномов. Где-то вдалеке, Ноэми уже не могла понять, спереди или сзади, капли падали в скопившуюся лужу, разнося равномерное на всю пещеру

бульканье, тем самым давя на нервы совершенно не успевшей поспать волшебнице. В воздухе запахло корицей и можжевельником с примесью еще какой-то травы, но она никак не могла вспомнить какой, потому как не переносила запаха первых двух.

– Долго еще идти? – спросил Торк, будто бы остальные были здесь невероятное количество раз и шли уверенным шагом, точно зная дорогу.

– Не знаю, – процедила сквозь зубы чародейка.

– Гровин, – переключился гном.

– А?

– А ты куда потратишь всю ту кучу денег, которую мы раздобудем в конце этого тоннеля?

– Ну-у...

– А я себе корову куплю, – не дожидаясь ответа, заявил Торк. – Говорю тебе, это самое выгодное вложение. Жрет она траву, пьет воду, все это можно найти в любой точке Неймерии, и не платить за это ни монеты. А молока от нее... Только и делай, что хлебай с утра до вечера да успевай ведра подставлять. Вакин на днях чесал, мол, можно вообще на одном молоке прожить и никакого тебе мяса и не надо будет.

Чародейка закатила глаза, но уже даже не пыталась остановить непрекращающуюся болтовню гномов.

– Только от мяса я отказаться не готов, честно сказать, – не унимался Торк. – А если там золота еще и на быка хватит, то я их плодить примусь. Говорю тебе. Мяса вдоволь будет, молока еще больше. От двух сразу.

– От быка-то? Молока? Поди найди вымя у него да подергай, быть может, он тебя своими копытами так огреет, что у тебя мозги раз и навсегда на место встанут.

– Эх, Гровин... – кажется, даже не услышал товарища гном. – Во заживу! А то устал я уже по этим склепам да пещерам слоняться. Хочется вернуться в Город Гор, затащить Элизу на Клятвенник, чтобы остальные не заглядывались, пока коров хожу пасти. Но прежде надо выдолбить себе домик либо прикупить существующий, чтобы собственный зад не напрягать. Эх, красота.

Баггз усмехнулся:

– Ну и дубина ты, Торк. Так принцесса и пошла за тебя. Да еще и в халупе жить собралась, которую ты там выдолбить собрался. Как бы твои коровы у нас в горах не сдохли – и то ладно будет.

– Ничего ты не понимаешь, Гровин. Ну вот скажи. Таскаемся мы сколько лет по всему свету? Десять или около того? А что изменилось? Разве что вшей перемерили от самого севера до Расколотого Хребта. Смысл-то в чем получается? Странствовать, чтобы заработанные деньги на странствия и потратить? Подозрительная какая-то работа. Ты как знаешь, а я жить хочу, понимаешь? Сына вырастить. С Элизой до утра на вершине горы болтать.

– Ну и дерзай, Торк, раз бессмертный. А я имя свое оставить хочу. Не хочу, чтобы после смерти гномы не помнили, кто я такой и зачем на свет появился. А вся эта белиберда про перерождение давно уже плесенью покрылась и изжила себя. Один у нас шанс оставить след в истории есть. Длинною в жизнь. Второго не дано и не дано будет.

– Тише вы! – Ноэми прервала спор. – Слышите?

С разных сторон сквозь узкие щели заскулили ветра, наполняя пространство вокруг шумом и прохладой.

– Вот и стена, – заключила чародейка, когда они уткнулись в очередную преграду, как будто ожидала ее здесь увидеть. – Я знаю, что это за место.

Ноэми принялась за уже знакомое занятие – пристально осматривать каждый дюйм стены, в поиске ключа.

– Точнее, как это место преодолеть. Что нас ждет за всеми четырьмя стенами, я не знаю.

– Четырьмя? – спустя некоторое время нетерпеливо шмыгнул носом Торк. – Что дальше-то про стены?

– Все стены связаны стихиями. Сперва мы открыли воду, далее удалось открыть огонь, сейчас же, я полагаю, перед нами преграда воздуха, а впереди нас ждет последнее испытание – земля. Только вот опасаясь я больше всего, что уйдем мы отсюда с пустыми руками, потому как повелители разных стихий должны все эти двери открывать. Но попробовать стоит.

Эта стена не напоминала конец тоннеля по сравнению с предыдущей, где надежда на то, что впереди еще что-то есть, растаяла почти сразу и только из-за настойчивости Ноэми была возрождена и превратилась в победу. Эта же преграда просвечивала сотнями маленьких щелей, которые светились разными цветами и пропускали сквозь себя сотни сильных ветров.

Торк из солидарности к общему интересу поучаствовал небезразличным взглядом в поисках, а потом вновь повернулся к другу, оставив чародейку у стены наедине с собой.

– Ты говоришь, как все эти болваны с Призрачных Гор, Гровин, которые пыхтят с утра до вечера в Бездушных Копях в надежде послужить своему народу, который так же глубоко под землей трудится в слепой вере откопать Священный Камень. А для чего? Делать потом что он велит? Это не по мне, друг. Не хочу я никому и ни для кого служить, кроме себя. И Элизы, конечно...

– Гора с тобой, Торк. Покупай себе корову, долби дом, хватай королевскую дочь за сиськи. У меня другой путь... – Гном сел, навалившись на стену, и достал флягу.

– Ну давай, Гровин. Скажи мне какой? То, что ты Священный Камень найти хочешь, это я уже понял, а дальше? Ну вот представь, найдем мы сейчас в этой пещере столько золота, сколько каждому из нас и до конца жизни не потратить. Что со своей долей делать будешь, раз странствия для тебя все? Вакину отдашь, чтобы он тебе по десять монет на ночевку по дороге выделял, или как?

Гровин Баггз подложил ладони под голову и уставился на сотню цветов, прорастающих из стены пещеры.

– Может, королем заделаюсь, кто знает? Найду Священный Камень, и наш народ меня на престоле захочет видеть, а не Сутулого, чьи предки всю Дордонию профукали и смылись в Призрачные Горы счастья искать. А счастье, может, вон оно и было не под землей, а в Аарде, на берегу Солнечного Моря...

– Мне дед рассказывал, будто там раньше не так пекло, как нынче, и что если бы гномы там до сих пор жили, то в первое же Солнцестояние и так добровольно убрались бы подальше на север.

– Дед тебе сказок всяких порассказать может. Но в том, что там жара плавильная, спору нет. Однако ж у печей в копиях наши как-то уживаются. Стало быть, и в Дордонии им бы место нашлось. Поэтому сразу после Священного Камня я бы за возвращение былых земель взялся.

– А потом что? А, Гровин? Ну, нашел ты Священный Камень, ну, Дордонию отвоевал, а дальше?

– Жену б, наверно, завел и наследников сделал, а то все коту под хвост будет.

– Вот. Хоть сколько ты будь расчётлив и дальновиден, но все дороги ведут к одному – продолжению рода и жене, Гровин. – Торк воодушевленно заулыбался.

Гровин Баггз только шмыгнул в ответ, усмехнулся и закрыл глаза.

– Ну что там? – не вытерпел гном, проснувшись от резкого протяжного завывания и вспышки света.

Чародейка стояла перед стеной, которая в этот самый миг буквально расщеплялась на мелкие частицы и выдувала песчинки в ту сторону, откуда пришли путники. Яркие разноцветные светящиеся огоньки распадались вместе с серым камнем и, облизывая силуэт Ноэми, улетали прочь, создавая за волшебницей шлейф, похожий на радугу. Свет, озаривший всю пещеру, казалось, до самого выхода, угас, и впереди вновь остался лишь огонь факела, несущий тяжкое бремя – осветить гостям путь к последней четвертой стене.

Путники наткнулись на нее почти сразу. Вот она. Перед ними стояла последняя из дверей, подобрав ключ к которой, возможно, наконец появится то самое заветное для гномов. Золото или, быть может, Священный Камень.

Если с нелюдями было все понятно, то Ноэми никак не могла услышать себя. Зачем ей все это? Зачем открывать неизведанное и таинственное, когда вокруг и так накопилась целая россыпь вопросов, требующих ответа. Не правильной ли будет развернуться и оставить эту загадку гномам? В конце концов она выполнила обещание и помогла попасть им внутрь. Но было ли под силу хоть кому-то, дойдя до конечной точки, до самого сокровенного и желанного, развернуться и уйти? Противостояние здравого разума и любопытства. Нет. На всей Неймерии не было существа, способного не поддаться собственному инстинкту, тем более когда вся затея не наверняка могла закончиться плохо, а скорее наоборот.

– Это Земля. Почти наверняка за этой стеной нас ждут неприятности. Кто-то неспроста закрыл путь четырьмя стенами. Поэтому будьте наготове, – сказала чародейка, и блеск ее васильковых глаз мелькнул в свете факела.

В стене перед Ноэми была сотня полых ниш. Чародейка подобрала с земли кусочек трита и вложила его в одно из отверстий. Что-то глубоко внутри горы шелохнулось, донесся до путников едва уловимую дрожь земли.

– Гровин, Торк, собирайте трит и вкладывайте его в отверстия в стене. Только быстро.

Все принялись подбирать камушки с металлом внутри с земли, собирая его по всей пещере и устраивая кусочки трита в стене. С каждой новой заполненной нишей дрожание горы, внутри которой они находились, ощущалось все четче и четче, но преграда до сих пор все так же крепко и неподвижно стояла, загораживая гостям путь.

– Зачем тебе все-таки все это, Гровин? – спросил Торк, отскребая очередной кусочек трита.

– Что? Это? – озабоченным взглядом посмотрел гном.

– Зачем рисковать жизнью изо дня в день, если конец так или иначе будет тот же, которого желаю я?

– Опять ты за свое, – выдохнул гном с остриженной бородой. – Вот ты род свой на этой земле оставить хочешь, правильно?

– Ну.

– А мне рода недостаточно, понимаешь? Не знаю я, какую пользу мои потомки миру принесут. Может, никакой вообще. Я против, чтобы на этот свет родиться и какое-нибудь благо не сотворить.

– То есть?

– Ну что «то есть», Торк? Вот спросят тебя: что ты хорошего за свою жизнь сделал и что ты скажешь? Корову доил? Да это и не польза вовсе. Разве что для тебя. А я хочу, чтобы какое-нибудь семейство за ужином мои подвиги обсуждало и молилось Священному Камню за мою душу и все добро, которое я сделал.

– Ха! – усмехнулся Торк. – Вот и вся разница. Я для своей семьи героем быть хочу, а ты для чужой. Только я из этого подвига делать не желаю.

– Вот и порешили. Сейчас клад отыщем и отправим тебя в Город Гор делать принцессу счастливой, а я дальше поеду имя свое на страницы истории вносить. Последний, – закончил разговор Гровин Баггз и заложил еще один камень в отверстие.

Некоторое время ничего не происходило. Путники стояли неподвижно, ожидая обрушения преграды, но этого не свершалось, несмотря на то, что всю гору потряхивало так, словно ее взгромоздили на телегу гномов и повезли на север.

– Стена же должна обрушиться, верно? – не выдержал Торк, обратившись к спутникам.

– Должна, – ответила чародейка, чуть повысив голос, чтобы гном ее услышал.

– А почему этого не происходит? – вклинился в начавшуюся беседу Гровин. – В копиях все бегут наутек, если вдруг Призрачные Горы начинает так хандрить.

– Я не думаю, что нас завалит, если вы этого боитесь. Но что-то внутри явно пробуждается от того, что мы сделали. Держите оружие наготове. Я не смогу вам помочь, если из-за стены появится кто-то или что-то желающее нашей смерти.

Гномы потащили двуручные секиры из-за спин и, обхватив рукояти, поставили на землю перед собой.

Дрожь земли становилась все сильнее и сильнее. Она то еле чувствовалась, словно легкий морской бриз, то накатывала, как штормовая волна, то была непрерывна вроде ветра на просторах Сумеречной Пустоши, то давала по ногам отрывистыми накатами, будто кто-то обладающий великой силой стучал в неведомую дверь где-то глубоко внутри горы. Наконец под действием всех этих толчков стена, преграждавшая путь незванным гостям, поддалась. Трещина поползла снизу, слегка виляя между заполненными тритом отверстиями, добралась до самого центра, откуда пустила еще несколько трещин в разные стороны к углам стены. Пустота, разъедающая серый камень, поделила преграду на десятки частей, и те обрушились ниц, поднимая облако пыли в тусклом свете факела.

– Получилось, – прошептала Ноэми.

Некоторое время путники не торопились проходить дальше, осторожно озираясь и всматриваясь вглубь пещеры. И как только Гровин Баггз, не в силах сдержать собственного любопытства, сдвинулся с места, камни, обрушившиеся минутой назад, зашевелились.

Обломки стены принялись притягивать к себе более мелкие камушки, словно зовущий овец пастух собирал стадо вокруг себя. Они бежали, перекатываясь и подпрыгивая по неровной поверхности земли, и в конце концов впились в более крупные камни. Большой камень искал более крупный, чтобы вместе с ним прилипнуть к тому, что был самым огромным. Так происходило до тех пор, пока перед путниками не возвысились два столпа. Столпы были неподвижны, а по ним с помощью какой-то неведомой силы взбирались другие булыжники.

– Бездна! – Чародейка направила руку на столпотворение камней и попыталась использовать чары. Тщетно. – Держите оружие наготове, гномы. Если оно нам поможет. Проклятье!

Если чародейка знала наверняка, то Гровин и Торк только догадывались о том, с чем им пришлось столкнуться.

Легенда, которую слышали гномы в Городе Гор, гласила о том, что после появления людей на материке и безоговорочного поражения в Великой Войне за Сушу других рас гномы ушли в Призрачные Горы, найдя свое предназначение в поиске Священного Камня.

Сотни лет они бороздили путь на десятки верст вглубь горы, находя залежи разных полезных ископаемых, но только не сам Камень. Однажды они добрались до огненной реки, что бурлила глубоко в недрах Призрачных Гор и преграждала им путь. Поняв, что огненную пропасть не под силу преодолеть ни одному живому существу, гномы стали рыть новый тоннель, который также привел в смертельный тупик. С этого момента какие бы новые дороги ни строили нелюди внутри своей горы, все они рано или поздно приводили к огненному течению.

Тогда Родраг Высокий заключил с великими магами и в то же время заклятыми врагами своего народа – эльфами – союз. Он обратился к ним за помощью в создании существа, не знающего боли и смерти, для преодоления злосчастной реки, чтобы гномы могли продолжить свою священную миссию. Эльфы согласились. Не просто так, а попросив взамен поддержать их в будущей битве против человечества, когда придет время, забрав самого Родрага в плен как гарантию выполнения условий договора. Король гномов дал свое согласие.

Так появились големы – чудовища, созданные магией и представляющие из себя гномоподобных существ в несколько раз выше и шире гномов, состоящие из одних только камней. Големы оказались способны преодолеть огненную реку и навести нужные мосты, чтобы нелюди могли и дальше покорять горы в поисках Священного Камня.

Однако вскоре, управляя неуязвимыми существами, гномы отправились в Изумрудный лес. Они жаждали отбить своего короля, совершенно позабыв об истинных создателях каменных существ. И тогда эльфы сняли чары, способные одушевить камень, а самого короля и спесивых прислужников за предательство отправили в Обратный Путь, так красиво расхваленный гномьими легендами.

С тех самых пор никто не видел големов, а более того, уже не помнил о их прежнем настоящем, а не мифическом существовании. Однако сейчас Гровин Баггз, Торк и Ноэми своими глазами видели воскрешение легенды и возникновение каменного чудовища на их пути, способного одним лишь ударом своей исполинской руки превратить в мокрое место всех троих.

– Быть не может! – Чародейка попятилась назад, быстро озираясь. – Я готова поклясться, что камни оживают благодаря магии, но, черт возьми, вся пещера завалена тритом! Это невозможно.

Еще через несколько мгновений перед путниками возвышалась каменная масса с двумя горящими красными огоньками на том месте, которое должно было напоминать голову, а каменное подобие руки уже летело сверху в надежде раздавить нахалов, посмевших взломать четыре печати. Гномы отпрыгнули, а на земле появился массивный отпечаток, оставивший после себя россыпь измельченных камушков и столбы пыли.

– Отвлеките голема! – кричала стоящая позади чудовища волшебница. – Мне нужно время, чтобы рассеять магию! И, Бурлящая бездна, не попадитесь ему под руку!

Гномы не отвечали. Разделившись и окружив существо с двух сторон, они с пристальным вниманием следили, куда в следующий раз упадет тяжелая рука. Голем выбрал

Торка. Пока чудище делало свой большой и крайне медленный замах, Гровин успел подбежать сзади и рубануть секирой в место, где одна из ног голема соединялась с туловищем. Нога в виде каменного столпа не то что не отсеклась, она осталась абсолютно невредимой, оставив взамен на лезвии оружия безбородого несколько зубрин. Торк ушел от удара и проскользнул между ног голема, оказавшись сзади того и рядом со своим товарищем.

– Davoin'te lana fial'h! – Ноэми выпалила на старозельфийском.

Холод, принижающий тела гномов и самой чародейки, пронесся по пещере, оставляя за собой неприятное ощущение прикосновения самой смерти. И больше ничего. Глаза голема продолжали гореть ярко-красным, а исполинские каменные руки преследовать маленьких, но оказавшихся юркими, по сравнению с ним, гномов.

– Дьявол! Здесь более сильная магия, чем я предполагала. Гровин! Торк! Мне нужно больше времени!

Ноэми убежала дальше в пещеру и принялась старательно начитывать заклинание. После каждого ее слова воздух содрогался, изо ртов живых вырывались клубы пара, а руки гномов мгновенно костенели от холода, словно битва происходила на самых вершинах Призрачных Гор, а не в ущелье посреди Средиземных.

– Разбегаемся, Гровин, – запыхавшись, крикнул Торк. – Чародейка, мы долго не продержимся!

Гора тряслась от стуков магического существа, мелкие камушки высыпались из щелей в стенах пещеры, а каждый удар голема о землю громыхал сильнее самого могучего раската грома, который только слышали в своей жизни путники.

Гномы вновь разбежались по сторонам, успев ускользнуть от яростного удара чудовища. Чародейка продолжала разносить старозельфийское наречие по заколдованной пещере, изредка отвлекаясь на звуки ударов магического существа и справляясь о здоровье спутников.

Вдруг каменная пятерня разомкнула свои пальцы и подобно метле со всего маху замела одного из гномов в кулак. Мерцающие огоньки, что были у голема вместо глаз, застыли, изучая свою добычу, затем чудовище яростно заревело, а кулак принялся летать из стороны в сторону, швыряя гнома о все стены – слева, справа, вверх.

– Торк! – со всей яростью заревел Гровин и еще раз с размаха зарядил секирой чудовищу по ноге.

Тщетно.

После первых двух ударов о стены Торк еще шевелился, но после третьего Гровин видел, как бездыханное тело товарища вываливается из кулака, а голем не останавливаясь подбирал добычу и добивал, словно охотничий пес, которому кошка попала на растерзание.

– ...feafia'ta terrarium huanus ia'l! – закончила свою затянувшуюся речь Ноэми, и по пещере тут же понеслась невидимая волна ледяного воздуха, покрывающая стены инеем.

По синеве, оставляемой на каменных стенах пещеры, можно было проследить путь рассеивающего заклинания.

В тот самый момент, когда голем отпустил бездыханное тело Торка и уже схватил Гровина, волна морозного инея напозла на существо и заставила оживший некоторое время назад камень застыть. Голова гнома замерла в считанных дюймах от потолка, следуя примеру обездвиженного чудовища. Камень затрещал, едва заметно пошевелился, а еще через несколько мгновений рассыпался, завалив спасшегося от смертельного удара гнома грудой камней.

Ноэми подбежала к месту, где должен был находиться Гровин Баггз, и принялась раскапывать завал. Камень за камнем некоторое время она разгребала его, пока голова, а затем тело гнома не показалось снаружи.

Весь испачканный пылью, в разорванной одежде и со сломанным оружием в руках Гровин скинул с себя остатки камней. Тяжело поднимаясь и храня мрачное молчание, он встал на ноги и оперся на стену, прижимаясь плечом к разноцветным цветам, растущим из нее. Чуть отдышавшись, он захромал в сторону тела Торка.

Подойдя к нему, он долгое время вглядывался в глаза мертвого товарища.

– Прости меня, старина... – Глаза гнома наполнились печалью. – Не будет коровы, Элизы и дома в Городе Гор... – Гровин Баггз проглотил ком, застрявший в горле и мешающий говорить. – То, что должно было воплотить наши мечты, убило тебя. А вместо того чтобы остановить тебя, я лишь подначивал на их воплощение...

Ноэми видела, как он сел у бездыханного тела товарища и замолчал. Она последовала его примеру, оставшись на том месте, где освободила гнома из-под завала, и, все понимая, осталась ждать, пока ее теперь единственный спутник не закончит траур.

Прошло некоторое время, прежде чем он подошел к чародейке и без слов взял факел из ее рук. Все еще нещадно хромя, он двинулся вперед, где оказалось...

Ничего. Тупик. Пустое пространство, заваленное кусками ненавистного всеми магами трита.

– Что это значит, чародейка? – возмущенно заговорил Гровин. – Где драгоценности? Где хоть что-то, на что мы так надеялись и о чем мечтали?

– Успокойся, Гровин, – Ноэми остановила спутника, положив ему руку на плечо и отстранив со своего пути. – Кажется, это еще одна дверь...

– Если так, давай открывать ее. Я отсюда ни шагу не сделаю без сокровищ.

Ноэми сосредоточила взгляд на очередной преграде перед собой, которые становились все шире, чем глубже они заходили в пещеру. Стена светилась разными цветами – золотым, серым, синим и зеленым, постепенно переливаясь из одного цвета в другой. Символы на камне перед путниками переплетались между собой, разбавляя яркое свечение разными оттенками. Руны пульсировали и становились то ярче, то тусклее.

– Ну? – не выдержал Гровин.

– Кажется, я поняла, что это... – Чародейка прикоснулась к руне, пульсирующей голубым, и свет озарил пещеру.

Ноэми упала на колени, невидимая сила выгнула все ее тело, заставив зубы сжиматься от боли, а после того, как свет стал гаснуть, из ее глаз потекли слезы.

Гном вытаращил глаза и открыл рот.

– О нет, – печально произнесла чародейка.

– Что там? – тяжело, но нетерпеливо произнес Гровин Баггз.

– Этого не может быть. – Ноэми рукавом стерла с щек влагу, все еще стоя на коленях и не в силах подняться. – Я знаю, что грядет, Гровин. То же, что истребило Первую Расу, ждет и нас.

– О чем ты говоришь, женщина?

– Это она – последняя пятая дверь, – прошептала Ноэми. – Стихий на самом деле не четыре, как все мы малодушно предполагали. Их пять, – медленно говорила она тихим и спокойным голосом. – Пятая стихия берет начало из соприжения четырех известных нам – огня, воды, воздуха и земли. Когда те переплетутся между собой, то они возродят это...

– Что? Это? – гном нетерпеливо справлялся, не позволяя волшебнице перевести дыхание.

– То, что убьет всех нас. – Ноэми схватила Баггза за плечи. – Первая Раса существовала задолго до старейших представителей, живущих на Неймерии. Они жили здесь за миллионы лет до эльфов, понимаешь? Всех до единого убило то, что скрывается за последней печатью. Поклянись, что никогда не вернешься сюда, Гровин.

– Но...

– Никаких «но», гном... – Глаза Ноэми засверкали злым блеском.

Гровин Баггз отшатнулся. Чародейка погрузилась в молчание и сосредоточила взгляд на своей руке, кровь внутри которой светилась голубым после прикосновения к загадочным рунам.

– И что будем делать дальше? – спустя время спросил севший к стене гном. – Разве тебе не интересно взглянуть хотя бы одним глазом, что прячется за этой дверью, прежде чем мы уйдем отсюда навсегда?

– Навсегда? Не смей меня, Баггз, – Ноэми рассмеялась, уже обретя саму себя после загадочного воздействия рун. – Ты вернешься в эту пещеру, как только я оставлю вас и уеду по своим делам. Но чтобы ты не тратил время попусту, я расскажу тебе кое-что.

Она присела рядом с гномом и откинулась назад, найдя на противоположной стене ту же точку, в которую бессмысленно уставился возмущенный проявленным к себе недоверием гном.

– Никто не сможет открыть эту дверь. Чтобы снять последнюю печать, нужны маги всех стихий. Одновременное воздействие помогло бы тебе попасть внутрь, но, даже если ты найдешь всех волшебников такой силы, они не смогут создать здесь ничего магического, потому что вся гора состоит из трита. – Она бросила под ноги Гровину Баггзу горстку камушков. – Чтобы использовать тут чары, нужен невероятно сильный источник энергии... А значит, тот, кто хотел скрыть от нас то, что находится в самых недрах этой горы, выбрал лучшее место. Не знаю, стоило ли нам вообще заглядывать в эти глубины...

– Как не сможем использовать чары? Ты же каким-то образом убила голема!

– Магия и старозельфийские заклинания – разные вещи. Заклинать может любой выучивший их, а магия – это способность, с которой можно только родиться. Проще говоря, ты никогда не сможешь пройти дальше... Прости.

Спустя время гном коснулся плеча чародейки, слегка напугав забывшуюся волшебницу.

– Пойдем, – сказал он, помогая ей подняться.

Ноэми послушалась, встала на ноги и теперь уже сама вела своего спутника к выходу. Далеко впереди сквозь стену воды просвечивал дневной свет.

На берегу озера Антакриэль смеркалось. Погребальный костер, сложенный у самой воды, был невысок и едва достигал Ноэми до пояса. Вокруг него стояли гномы, опустив свои двуручные молоты и топоры на землю перед собой и склонив головы. Факел горел в руках Гровина Баггза.

– Ты отдал свою жизнь за великое дело, Торк. Ты был послан показать нам место, в котором наш народ наконец найдет Священный Камень... – Он многозначительно посмотрел

на чародейку. – Твоя миссия оказалась величайшей в истории нашего народа, и ты выполнил ее. Мы – твои братья, будем тосковать по тебе и твоим ядреным островам, Торк. Ты всегда говорил: лучше выпейте за мои подвиги на моих похоронах, чем рыдать как последние бабы. Отправляясь в Обратный Путь, знай, что мы не рыдаем. Мы поднимаем кубки за твое возвращение в этот мир со следующей миссией.

Гровин Баггз поджег костер со всех сторон, и гномы вместе с чародейкой дождались, когда огонь разгорится, а сам Торк станет объят пламенем.

На следующее утро все покинули озеро до тех пор, пока некоторые из них не найдут способ открыть последнюю дверь и добыть своему народу такой желанный Священный Камень.

Глава 4

Конвой двигался в сторону Девичьей Горы, огибая дорогу, заваленную упавшими с горы булыжниками, и протаптывая новый путь к отрезанной от остального мира Башне Стихий.

Паладины молча миновали ставшие могилой для их братьев обломки скал. Ни один рыцарь не проронил ни слова за все то время, что они шагали от моста, ведущего через Петлю Гнома, выражая тем самым траур и свое почтение погибшим не так давно собратьям.

Заточенный в клетку из трита странник старался не смотреть на воинов, но когда невзначай бросал на кого-нибудь из них свой взгляд, то непременно ловил печальное настроение. Если бы кто-то из защитников не был верен клятве, он тут же достал бы медведя из движущейся тюрьмы и приговорил бы к смерти ровно так же, как когда-то это сделал сам медведь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5c2>